

ROMAN MYSTIQUE

ДЖИНН КАЛОГРИДИС

Дети Вампира

Дневники Анжелины Дракула

Джинн Калогридис

Дети вампира

Серия «Дневники династии Дракула», книга 2

OCR Денис, вычитка Анна (ann-diam@yandex.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158143

Джинн Калогридис. Дети вампира: Эксмо, Домино; Москва; 2006

ISBN 5-699-18306-X

Оригинал: JeanneKalogridis, "Children of the Vampire"

Перевод:

И. Б. Иванов

Аннотация

Много столетий минуло с тех пор, как кровожадный и жестокий граф Дракула заключил договор с дьяволом и превратился в могущественного бессмертного вампира. Однако, желая приумножить свою и без того практически неограниченную власть над миром, он нарушил договор. Теперь во искупление вины Дракула любыми способами должен погубить душу одного из своих потомков.

Кто сможет ему помешать? У кого хватит сил и мужества сразиться с самим воплощением зла?

Содержание

Рассказ Дуни Мороз	7
Румыния	13
Пролог	13
Глава 1	15
Глава 2	65
Амстердам	95
Глава 3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	107

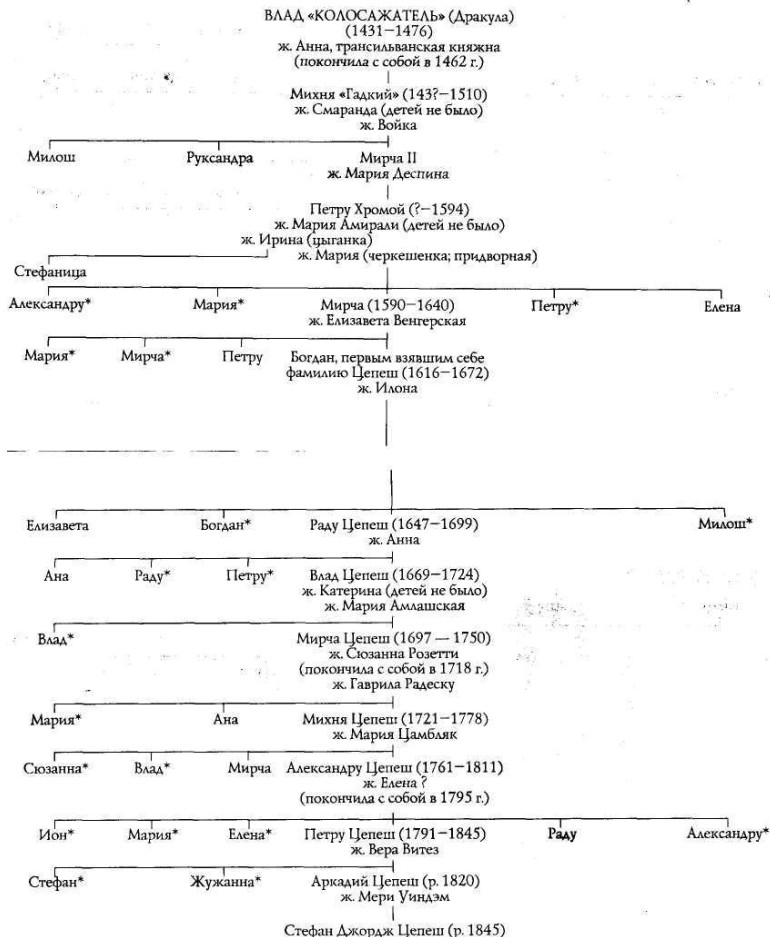
Джинн Калогридис

Дети вампира

Да восстанет против тебя кровь твоя!
Древнее уэксфордское проклятие

Посвящается S.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ДИНАСТИИ ДРАКУЛА

* Дети, либо умершие совсем маленькими, либо родившиеся с физическими и/или психическими недостатками.

Рассказ Дуни Мороз

(выдержки из дневника Мери Уиндем-Цепеш)

17 апреля 1845 года

Историю про договор со стригоем рассказываю так, как слышала от своей матери, а она – от своей матери, а та – от своей.

Давным-давно – скоро четыре века будет – стригой был обычным человеком, и звали его Влад Третий, поскольку он являлся воеводой, то есть правителем, Валахии – края, что лежит к югу от нас. Но многие называли его Владом Цепешем, или Колосажателем. Сильно его боялись; мстительный он был и кровожадный. Много страшных преступлений он совершил, и за это дали ему прозвище Дракула – сын дьявола.

А еще рассказывали про его невероятную жестокость, особенно к предателям и обманщикам. У неверных жен он приказывал отрезать женские части и кожу заживо сдирать. Тела их привязывали к одному столбу, а содранную кожу – к другому. Так и висели, чтобы все видели и боялись. Еще, бывало, приказывал он воткнуть неверной жене кол между ног, а тот затем у нее изо рта выходил. Кто его власти противился, тех Дракула тоже жестоко казнил: кожу заживо сдирал или на кол сажал. Если женщина с кем согрешила и тайком ребенка родила и про это узнавали, велел Дракула ей кол в

спину вогнать, чтобы промеж грудей вышел. А потом и младенца на этот кол насаживали.

Рассказывают, однажды приехали к нему послы итальянские. Сняли шляпы, а под шляпами у них шапочки маленькие. И был у них обычай: шапочки эти никогда и ни перед кем не снимать. Даже перед ихним императором.

– Хороший у вас обычай, – сказал им Дракула. – Сейчас я его еще крепче сделаю.

И приказал своим людям гвоздями прибить послам шапочки прямо к головам.

Хоть и жесток был Дракула, но народ его почитал. Пока он правил, ни обмана, ни воровства в его земле не было. Все боялись суда скорого и жестокого. В те дни, говорили, хоть золото на дороге бросай – никто не посмеет взять. Почитали Дракулу и за справедливое отношение к крестьянам, и за храбрость в битвах против турок. Бесстрашным и умелым воином он был.

Но настал день – Дракула опять воевал с турками, – когда слуга его, который к туркам переметнулся, предал своего господина и убил его.

И пошли слухи: мертв Дракула. Но, по правде, он все это знал наперед, знал, что так будет. В то время венгерские и молдавские войска ушли и оставили его одного воевать с турками. А еще говорят, так сильно жаждал Дракула крови и власти, что заключил договор с самим дьяволом. И пообещал ему дьявол: будет он пить кровь людскую, и станет

бессмертным, и власть его не кончится. Потому Дракула и на смерть так легко пошел. Знал, что скоро поднимется из мертвых.

Так оно и случилось. Стал стригой бессмертным. Взял он свою семью и бежал из Валахии сюда, в Трансильванию. Турки на эти края набегов почти не делали, да и Дракулу здесь не особо знали. А он еще нарочно говорил, что он – не он, а его родной брат. Но люди не верили и меж собой шептались.

И сделался он вскоре хозяином над одной деревней (домнул, по-нашему). Ленивых и непокорных крестьян жестоко наказывал, а к тем, кто верно служил ему, был добр и щедр. Да только все равно настали для жителей этой деревни тяжелые времена. Многие поумирали от укусов стригоя. Узнали про это и в других деревнях и тоже испугались. И не надо было здешним крестьянам щедростей стригоя, разбегались они кто куда. Нашлись храбрые люди, решили бороться с ним. Находились и такие, кто пытался его убить. Стал стригой опасаться за свою жизнь. И что в замке у него творилось, тоже известно сделалось. Стригой умел повелевать чужим разумом, но сила его не бесконечная была: двух-трех человек мог еще удержать, а вот всю деревню – нет. Уже по всей Трансильвании о нем знали. А стригоя без свежей крови никак нельзя, иначе помрет с голоду.

И тогда он собрал самых старых и мудрых людей в деревне и предложил им заключить договор. Стригой пообещал, что больше никого из здешних крестьян не тронет, а станет

заботиться о них так, как никакой домнул никогда о своих крестьянах не заботился. Еще пообещал он, что волки перестанут нападать на скот. А за это крестьяне должны заманивать в замок чужестранцев и разных других пришлых людей и крепко молчать про договор.

Крестьяне согласились, и с той поры в деревне зажили богато и сытно. Никого больше Дракула не убивал, разве что непослушных, которые поперек воли его шли. Так минуло много лет. Крестьяне забыли, что такое недоедать. Когда Наполеон напал на Трансильванский край, вокруг такой голод страшный был, а мимо нашей деревни все стороной катилось. Волки даже зимой на скот и лошадей не нападали. У крестьян обычай такой появился: отдавать стригую младенцев, которые больными или увечными родились и все равно не жильцы на белом свете. Таких младенцев все больше становится, потому что люди из других мест про договор все-таки узнали, и ни женихов, ни невест в нашу деревню теперь не заманишь. А когда женятся только на своих и замуж только за своих выходят, больные дети не редкость.

И еще пообещал стригой, когда договор заключал: других стригоев не будет. Он один. Так и ему хорошо, и людям. А потому всех, у кого он кровь пил, он потом убивал, колом протыкал и голову отрезал, чтобы не встали.

Но хоть много хорошего своим крестьянам сделал он, а бояться его в деревне. Шепчутся, страшные истории рассказывают про то, как стригой расправляется с теми, кто дого-

вор нарушает, кто повредить ему пытается или предостерегает тех, кого он себе в жертву выбрал. Находились смельчаки, хотели убить стригоя, да только он жив, а у них и косточки сгнили.

Вслух никто не скажет, а про себя-то многие крестьяне ему смерти желают. С полей его кормятся, на хлебах его жируют, но все равно мечтают, чтобы он сгинул.

А еще рассказывают, что такой же договор стригой заключил со своей семьей. Пообещал им, что никого не тронет и будут они жить счастливо, даже не подозревая, кто он есть на самом деле.

* * *

Я спросила Дуню про договор между Владом и его семьей.

– Я ведь говорила вам, доамнэ. Такой же договор, какой он заключил с крестьянами. Он не будет делать зла никому из своих.

– Да, я помню. Но в обмен на что?

Дуня опустила глаза и тяжело вздохнула. Чувствовалось, что ей не хотелось возвращаться к этой теме. Я не отставала. Тогда Дуня такими же бесхитростными словами, как и в прошлый раз, рассказала о договоре Влада с семьей.

– Он обещал, что не тронет никого из своих, и любой может уехать из замка и жить счастливо, даже не зная, кто он есть на самом деле. Но за это старший сын в каждом поко-

лении – не старший по рождению, а тот, кто до взрослых лет доживет, – должен быть ему помощником.

Мое сердце сжалось от ужаса. Я и так все прекрасно поняла, но все же уточнила:

– Что значит "должен быть ему помощником"?

Дуня отвернулась, не в силах выдержать моего испуганного взгляда.

– То и значит, доамнэ, что он должен ему помогать. Следить, чтобы у стригоя всегда была пища. Это нужно для блага вашей семьи, для блага нашей деревни и всей округи.

* * *

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА АРКАДИЯ ЦЕПЕША

21 апреля 1845 года

– Нет! – выдохнула Жужанна.

В этом коротком слове, произнесенном резким, свистящим шепотом, мне вдруг почудился блеск ритуального ножа, готового полоснуть по нежной детской коже.

– В таком случае ты ничего не знаешь о настоящем договоре с дьяволом... Владу нужно не только твое пособничество. Ему нужна твоя душа, Каша, как были нужны души нашего отца, деда, прадеда. В каждом поколении Цепешей он должен заполучить душу старшего из сыновей, достигших взрослого возраста. Это и есть золото, которым Влад оплачивает собственное бессмертие.

Румыния

Октябрь 1845 года

Пролог

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ДРАКУЛА

Недатированная запись, сделанная на отдельном листе

Позволю себе начать с момента собственной смерти, поскольку начать мои нынешние записи лучше всего именно с него.

Я пишу все это для тебя, мой сын, мой дорогой Стефан. Нас с тобой разлучили спустя несколько часов после твоего рождения. А еще через несколько часов мне пришлось расстаться с твоей храброй матерью и со своей жизнью. Я должен поведать о подстерегающем тебя чудовищном зле, ибо будет лучше, если ты окажешься осведомленным о доставшемся тебе страшном наследии. Возможно, это поможет тебе избежать участи наших предков. Я пишу эти строки, веря, что они непременно дойдут дотепя, причем раньше, чем до тебя доберется он.

Итак, ты являешься смертным потомком бессмертного чудовища по имени Влад. Официально он известен как граф Цепеш (по-румынски эта фамилия означает "Колоса-

жатель"), но его также называют Дракула – сын дьявола. Я – твой отец – связан с ним кровными узами и узами судьбы. Когда его злобная душа расстанется с телом, сгину и я. Влад обязательно постарается привязать к себе и тебя, дабы твоей душой расплатиться за свое бессмертие. А когда у тебя родится сын, Дракула постарается завладеть и его невинной душой, продлив себе существование еще на несколько десятков лет.

Моя человеческая жизнь оборвалась в лесной глуши, вечером, когда это чудовище настигло нас с твоей матерью. Мери удалось бежать (тебя мы отправили другим путем, с человеком, посланным нам самим Богом), я же остался умирать на руках Влада. Моя душа тогда была еще чиста, и мне оставалось одно мгновение, чтобы умереть и тем самым уничтожить этого негодяя. Но Влад все-таки успел сделать меня подобным себе – вампиром. Он запер мою душу между небесами и землей, чем отсрочил собственную гибель.

И теперь я – такое же чудовище, как он. Мне совершенно неизвестно, что случилось с тобой и моей дорогой женой, твоей матерью. Но знаю: наступит долгожданный миг, когда я собственными глазами увижу мучительную смерть Влада и твое освобождение от проклятия, тяготеющего над нашим родом.

Глава 1

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ДРАКУЛА

30 октября 1845 года

Дракон пробуждается.

Так обычно говорят крестьяне, когда над озером Германштадт¹ начинается гроза. Кажется, что от грохота сотрясаются окрестные горы. В громовых раскатах невежественным людям слышится голос драка – большого дракона, они верят, будто это сам дьявол предупреждает беспечные души о своем приближении. Но зрелище разбушевавшейся стихии завораживает, многие не в силах отвести взор от вздымающихся волн. И потому каждый год здесь гибнут десятки людей, пораженные молнией.

Солнце уже почти село, а я, подобно буре, только-только проснулся. Я не боюсь разгула стихии. Я сижу на холодной земле под соснами, и, когда начнется ливень, разлапистые ветви скроют меня от дождя. Над озером непрерывно сверкают молнии, высвечивая угрожающе нависшие громады туч и столь же угрожающе вздымающиеся волны, ставшие могилой для многих неосторожных. Я жажду смерти, но

¹ Германштадта в действительности не существует. Это название Дж. Калогридис взяла из работы Эмили Джерард «Трансильванские суеверия», изданной в 1885 г. Но труд миссис Джерард не отличался точностью, поэтому в данном случае, скорее всего, имеется в виду озеро Баля, находящееся в горах к югу от городка Сибиу, в прошлом Германштадта – Здесь и далее примечания переводчика.

ее сладостное забытие не для меня. Пока не завершится моя миссия, я не имею права даже мечтать об этом...

Воздух напоен грозой. Всполохи молний слепят меня, вызывая в глазах резь, какую я испытывал в прошлом, когда глядел на полуденное солнце. Сейчас мне не требуется много света – в сумерках, предвещающих безлунный вечер, я вижу как днем. Я отчетливо различаю хвою на сосновых ветках, очертания гор, иссиня-черную воду, серовато-бурые пучки пожухлой травы на берегу.

Вот опять прогремел гром небесный, и горы, окружающие озеро, многократно повторили его. Какой ужасающий грохот! Неудивительно, что погрязшие в невежестве и суеверии крестьяне считают его голосом главного злодея – дьявола.

Однако для моих ушей громовые раскаты звучат не предостережением, а приглашением в Шоломанчу² – школу тьмы, где избранные дьявола постигают тайны черной магии, отдавая взамен свои души.

Я уже потерял и душу, и свою жизнь обычного смертного человека. И все же я колеблюсь и пока не спешу углубиться во Зло даже ради борьбы с ним.

Моя судьба страшна и горька. Я хотел, пожертвовав своей жизнью, спасти жену и сына. Он не дал мне умереть, сделав чудовищем. Я мог бы оборвать это мучительное существо-

² Это слово (по-английски the Sholomance) является искаженной формой румынского Solomonari. Доказательств существования подобной школы до сих пор не найдено.

вание, которое нельзя назвать ни жизнью, ни смертью. Но я сознательно решил остаться тем, кем уже стал, дабы спасти не только своих близких, но и все грядущие поколения моего рода. Я не покину этот мир до тех пор, пока не уничтожу Влада – самое отвратительное чудовище, моего далекого предка и заклятого врага.

Более полугода я не прикасался к своему дневнику. Не было сил продолжать его. Что я мог выплеснуть на страницы, кроме бесконечного отчаяния, полностью овладевшего моей душой? Каково сознавать, что эту тетрадь я начинал, будучи человеком, а продолжаю, став одним из тех кроваво-жадных монстров, в реальность которых прежде не верил? Но сейчас я чувствую необходимость вернуться к дневнику и подробно описать все, что произошло за минувшие месяцы. Зачем? На тот случай, если (да помешает Господь этому!) я потерплю неудачу, а Влада в очередной раз повезет.

Я уже пытался уничтожить его, наивно думая, что достаточно подготовлен для этого. На следующую же ночь после моего жуткого воскрешения (пишу это слово, не найдя более точного) я отправился в замок, пряча под плащом кинжал и короткий острый кол.

Влад, как обычно, сидел в своей гостиной. Он оставался верен давней привычке, хотя теперь некому было подавать сливовицу и разжигать огонь в очаге. Все немногочисленные слуги бежали из замка. Я храбро шагал по гулким темным коридорам. Кромешный мрак более не являлся для меня по-

мехой: я с удивительной четкостью видел каждую пылинку, каждый завиток паутины, каждую щербинку в каменном полу. Мой слух также приобрел необычайную остроту: я легко различал каждый звук внутри замка и за его стенами. Откуда-то, похоже из гостевых комнат, доносился мелодичный голос моей сестры. Ей отвечал другой голос, мужской. Судя по всему, она занимала беседой очередного гостя.

Первым моим порывом было броситься туда и предостеречь незнакомца. Но я тут же напомнил себе о более важном деле. Если я сумею уничтожить Влада, не только этот человек, но и великое множество других людей будут спасены.

Я шел через темный главный зал, торопливо оглядываясь на портреты предков. Галерея начиналась с Колосажателя. Суровое лицо с горбатым, похожим на ястребиный клюв, носом, длинные черные кудри, обвислые усы. Далее – портреты его потомков, поколение за поколением. Все они так или иначе были похожи на Влада, ибо их души были обречены служить ему, исполняя старинный договор. Их души опалило Зло, отравив кровь всего нашего рода.

Я походил на Влада сильнее, чем кто-либо другой. И не только обликом. Я уподобился ему, став чудовищем. Но я не пойду по его пути. Я уничтожу его... и себя.

Влад не выдавал себя ни единым звуком, однако я хорошо знал его привычки. Он там, у себя в гостиной. Я беззвучно двигался по коридорам, пока наконец не очутился перед закрытой дверью. Из-под нее выбивалась неяркая полоска све-

та.

Я потянулся к двери, но не успели мои пальцы коснуться массивной бронзовой ручки, покрытой густым слоем патины, как дверь неожиданно распахнулась. Похоже, я сумел открыть ее одним лишь усилием воли.

В. сидел и смотрел на огонь, придававший его мраморно-белому лицу теплый живой оттенок. Рядом, как всегда, находился хрустальный графин со сливовицей, на гранях которого играли и переливались множество разноцветных искорок. Весь в черном, Влад сидел в своей излюбленной величественной позе, крепко обхватив длинными пальцами подлокотники. Такая поза подошла бы какому-нибудь престарелому монарху, но никак не человеку среднего возраста с длинными кудрями до плеч и усами серо-стального цвета.

Он напоминал моего отца (я имею в виду не последние годы жизни Петру, а времена своего раннего детства, когда В. еще не сломил его дух), только изгиб губ и выражение темно-зеленых глаз были совсем другими, не отцовскими.

Даже громко хлопнувшая дверь не заставила В. пошевелиться. Он оставался неподвижным, точно скала, руки по-прежнему сжимали подлокотники, а взгляд был все так же устремлен на огонь. Только губы слегка дрогнули, сложившись в подобие насмешливой улыбки.

– А-а, это ты, Аркадий, – негромко произнес В. – Какой приятный сюрприз. Как поживает твоя дорогая жена? И как здоровье малыша?

Его вопросы острыми шипами вонзились мне в сердце. Я не сомневался: он намеренно причинил мне боль, поскольку знал, что я терзался неизвестностью относительно их судеб. Но я молил Бога: только бы В. ничего не пронюхал о Мери и сыне.

Не дождавшись моего ответа, он повернул ко мне голову. Я сразу же схватился за кол, спрятанный под плащом. Улыбка Влада превратилась в отвратительную ухмылку. Запрокинув голову, он громко захохотал. Толстые каменные стены ответили раскатистым эхом. Меня душила ярость, но одновременно я чувствовал себя последним глупцом.

Наконец В. отсмеялся и вытер выступившие на глазах слезы.

– Прости меня, – сказал он, наслаждаясь своим зловещим весельем. – Прости, дорогой племянник. Прожив столько лет, поневоле забываешь некоторые вещи. Например, ход мыслей в голове у новичка.

Кивком он указал на острый деревянный кол, зажатый у меня в руке, и на сверкающий кинжал, прицепленный к поясу.

– Аркадий, неужто ты и в самом деле намерен испытывать эти штучки на мне?

– Намерен.

Мой голос звенел от ненависти. Неужели я когда-то искренне любил это чудовище?

– Я моложе и сильнее тебя, дорогой... дядюшка!

– Согласен, моложе... Но вскоре ты убедишься, что в мире неумерших сильнее как раз те, кто старше и опытнее.

Вздохнув, он поднялся и повернулся ко мне.

– Ну что ж, давай покончим с этим, чтобы потом ты не путался у меня под ногами и не мешал общению с гостем.

Все, что случилось после этих слов, произошло с нечеловеческой быстротой, недоступной восприятию смертного человека.

Я прыгнул на Влада, собираясь вогнать ему в грудь кол. Он с дьявольской ловкостью отскочил назад, поймал мою руку, сжимавшую кол, и дернул так, что моментально вывихнул ее.

Взвыв, я попытался высвободиться, однако его силы десятикратно превосходили мои. Одним движением он оторвал мне руку, оставив культю, из которой хлынула кровь моей последней жертвы. Веря и не веря, я оцепенело смотрел, как Влад поудобнее перехватил оторванную руку (ее пальцы все еще сжимали кол) и небрежно бросил в огонь.

Но я больше не принадлежал к миру смертных. Боль, обжегшая меня, длилась ничтожное мгновение, а затем превратилась в ярость, которая придала мне новых сил. Я вновь бросился на Влада и сумел опрокинуть его в пылающий очаг.

Волосы и одежда вампира сразу же вспыхнули. Пока он выбирался из огня, я вытащил свою оторванную руку и... с удивлением увидел, что на ее месте уже выросла новая. Я с трудом разомкнул пальцы, в которых был по-прежнему за-

жат кол, и вновь ринулся на В.

К моему удивлению, он послушно раскинул руки, добровольно превратившись в мишень. На лице его играла все та же дьявольская ухмылка. Собрав все свои вновь обретенные силы, я нацелил кол прямо в его холодное сердце и ударил. Потом еще и еще.

Кол его даже не касался!

Обезумев, я продолжал размахивать деревяшкой, постоянно наталкиваясь на невидимую преграду. Кол отскакивал от нее. Я неистово молотил, пока мое оружие мести не затупилось. Все это время В. негромко посмеивался и снисходительно поглядывал на меня, как взрослый смотрит на безуспешные попытки упрямого и озлобленного неудачей ребенка. Неожиданно его улыбка сменилась гневом.

– Дурак! – сердито сплюнул он. – Ты что, считаешь себя удачливее других? Думаешь, тебе повезет и ты сумеешь меня уничтожить? Ни тебе, ни твоему сыну не уйти от меня. Смирись, Аркадий! Покорись судьбе!

– Ни за что, – прошептал я, прочитав в его глазах собственный приговор.

Я понял: надо бежать отсюда, иначе меня ожидает участь, которая была мной уготована Владу. Повернувшись, я буквально вылетел из гостиной. Меня спасла какая-то доля секунды. Дверь за мной с шумом захлопнулась, и в тот же миг ее пробил кол, пущенный В. мне вдогонку. Какой же надо обладать силой, чтобы тупой кол пробил толстое дерево и

застрял в ней, будто стрела?

Бежать. Немедленно бежать отсюда!

Меня обуял ужас. Нет, меня страшила не гибель, а осознание того, что мне еще очень долго придется влачить ненавистное существование вампира, пьющего кровь невинных жертв. Так будет продолжаться дотех пор, пока я не уничтожу В.

Судьба не оставила мне выбора. Я и в самом деле был новичком в мире неумерших; еще одно такое нелепое сражение, и со мной будет покончено. О том, чтобы покориться В., не было и речи. Он уничтожит меня, а проклятие перейдет на моего бедного несмысленного сына, и к зловещей цепи добавится новое звено.

Но ведь я могу попытаться разыскать их: малыша и Мери, мою дорогую, любимую Мери! Ее образ и сейчас стоял у меня перед глазами: золотистые волосы, разлетающиеся по плечам... бездонные синие глаза, полные безграничной любви и боли... и револьвер, зажатый в побелевших, дрожащих пальцах... Я мысленно возвращаюсь к моменту своей смерти, и вновь меня окружают те же звуки, что и тогда: лошадиное ржанье, грохот копыт, громкий скрип колес... Мне не дает покоя последняя сцена. Она часто повторяется в моих тревожных снах. Мери, с белыми как мел губами, стоит во весь рост в коляске, не сознавая, что испуганные лошади уже рванули прочь и увозят ее от меня.

Что случилось с ней потом? Я часто задавал себе этот во-

прос. Твердости сердца моей Мери мог бы позавидовать любой мужчина. Но ее тело было слабым, измученным тяжелыми родами и большой потерей крови. Сумела ли она выжить?

Но пытаться разыскать Мери и малыша означало бы навести В. на их след. Этого я бы себе никогда не простил. Вампир преподавал мне хороший урок – одного стремления уничтожить его мало. Я должен узнать, какими силами теперь обладаю и как наилучшим образом их использовать.

Той же ночью я покинул родные края и отправился в Вену. Я неплохо знал этот город и надеялся затеряться среди его жителей, чтобы получить возможность все тщательно обдумать и разработать стратегию дальнейших действий. В Вене я впервые узнал о существовании Шоломанчи, а также еще об одном аспекте договора, который Влад от меня скрыл.

* * *

Ночь, когда я узнал о Шоломанче, стала также ночью моего величайшего падения. Я воочию убедился в том, что совершенно утратил человеческий облик. И отнюдь не совпадение, что именно тогда, поздним вечером, мы встретились с сестрой. С этого все и началось... Воспоминания о той страшной ночи еще слишком свежи, они и сейчас наполняют меня стыдом. Правильно ли я делаю, описывая собственный позор и злодеяния?

Прости меня, Стефан...

Меня разбудил голод. Я встал и начал мерить шагами комнаты небольшого дома, снятого мною в Вене. Голод вгрызался в мои внутренности с остервенением лисенка, которого поймал маленький спартанец из знаменитой легенды³. Я знал: рано или поздно мне придется уступить его настойчивым требованиям и выйти в залитый огнями город на поиски новой жертвы. (Мне всегда бывает тяжело выходить в город. Прежде, будучи живым, я любил Вену. Мне нравились ее рестораны и кондитерские, магазины, музыка. Теперь же я способен наслаждаться разве что музыкой, но и в этом я вынужден себя ограничивать. Это сущая пытка – голодным сидеть среди разряженной, надушенной публики, слушая негромкие, призывные удары множества сердец и вдыхая удивительный аромат теплой крови. Нет, музыку я способен слушать, лишь когда сыт.) Можно, конечно, остаться дома и сражаться с муками голода... Несколько раз, испытывая жгучую ненависть к себе, я был готов сознательно выбрать голодную смерть, но мысль о необходимости уничтожить Влада всегда оказывалась сильнее. Пока я с ним не расправляюсь, нужно поддерживать свое существование.

Голод властно требовал отправиться на поиски очередной жертвы, слабый голос совести твердил обратное. Эта внутренняя война с самим собой отнимала у меня последние си-

³ Весьма популярная легенда о стойкости спартанского мальчика, который поймал лисенка и самовольно принес в школу, спрятав под одеждой. Лисенок прогрыз мальчику кожу и добрался до кишок, но маленький спартанец, опасаясь гнева учителя, стойко переносил все мучения.

лы. Я продолжал бродить по комнатам, когда неожиданно услышал стук в дверь.

Я сразу же понял, кто это, ибо голод предельно обостряет все чувства. Застыв возле тяжелой входной двери, по другую сторону которой стоял человек, я ловил живое тепло его тела и слышал биение сердца. Я почти ничего не знал об этом человеке, даже его имени. Он мне назвал только свою фамилию – Вайс.

Я резко распахнул дверь. У меня были причины для недовольства Вайсом. Голод лишь усугублял их, подводя к опасной черте.

Дверь открывалась вовнутрь. От моего рывка она широко открылась и даже ударилась о стену. Вайс, стоявший на крыльце, слегка вздрогнул. Наверное, он подумал, что тьма скрывает его от моих глаз, отчего и позволил себе содрогнуться. Вряд ли он был таким уж храбрецом, но свои чувства умел держать при себе.

Между тем я прекрасно видел Вайса, словно он явился ко мне не вечером, а в солнечный полдень. Передо мной стоял невысокий, неряшливо одетый человек. Внешность его была весьма заурядной. Из-под засаленной шапки выбивались начавшие сесть жиденькие рыжеватые волосы. Физический труд искривил ему верхнюю часть спины, отчего казалось, будто он отвешивает бесконечный поклон. А позади Вайса раскинулась сияющая огнями Вена, маня на вечернюю охоту.

Увидев меня, Вайс стянул с головы шапку и стал мять ее в грязных руках. Сделал он это инстинктивно; такое выражение почтительности я часто встречал у людей из низших слоев общества. Однако на лице моего гостя было написано упрямство, да и держался он явно вызывающе. Не обращая внимания на мой гнев, Вайс, как всегда, постарался рассмотреть внутреннее убранство дома. Думаю, это он делал тоже инстинктивно, прикидывая, нельзя ли что-нибудь стянуть. К неудовольствию Вайса, его в очередной раз постигла неудача: внутри, где горела единственная свеча, было почти так же темно, как и снаружи.

– Герр Румлер, я, значит, пришел за... – начал он, но я властно махнул рукой, велев ему замолчать.

Было бы куда разумнее впустить его в дом и уже там вести наш диалог, не предназначенный для чужих ушей. Но голод и злость, одолевавшие меня в тот момент, притупили чувство опасности.

Вечер был довольно холодным. Из рта и ноздрей Вайса вырывались облачка пара, в отличие от меня, которого можно было принять за говорящую статую.

– Герр Вайс, – сердито прошептал (правильнее сказать, прошипел) я. – Вряд ли вы имеете привычку читать газеты.

В ответ он тупо поглядел на меня. Скорее всего, он вообще не умел читать.

– Тогда позвольте сообщить вам новость, которая взбудоражила всю Вену. Похоже, в городе орудует жестокий убий-

ца. Его жертва была найдена обезглавленной, с деревянным колом, вонзенным прямо в сердце. Но это еще не все.

Мой голос звенел от ярости, хотя я старался говорить тихо, чтобы не привлекать внимания случайных прохожих.

– Помимо жестокости, убийца отличается изрядной глупостью. Обезглавленное тело он бросил прямо на кладбище, где оно и было обнаружено местными властями.

Глаза Вайса вначале округлились, затем сузились в щелочки. На его лице опять появилось выражение тупого упрямства.

– Господин, я сейчас вам объясню...

– Ничего не желаю слушать! – выкрикнул я в приступе гнева, терзаемый к тому же муками голода. – Я вам плачу не за объяснения, а за работу! И у вас еще хватило нахальства прийти ко мне, рассчитывая получить деньги!

Отсвет уличных фонарей упал на заросшее неопрятной щетиной рябое лицо Вайса. Он опустил голову, продолжая мять в руках шапку. Вряд ли этому человеку были знакомы угрызения совести или хотя бы раскаяние за допущенные промахи. Скорее всего, сейчас он спешно придумывал оправдание.

Налетел порыв ветра, который вместе с вечерней свежестью принес и запах Вайса – едкий запах потного, давно не мытого тела. Несколько месяцев назад я бы брезгливо поморщился и отвернулся. Но сейчас меня притягивал сладостный, с горчинкой, аромат его крови. Я слышал легкие,

ритмичные удары его сердца. Теплое, полное жизни тело Вайса влекло меня, как огонь, пылающий в очаге, манит озябшего путника.

Я мог бы убить его прямо здесь, на крыльце своего дома. Все произошло бы тихо и быстро – Вайс впал бы в блаженное забытие, а я бы пил кровь этого никчемного человечки до последнего удара его сердца.

Однако перспектива именно таким образом утолить голод была чревата большими сложностями. Для начала мне бы предстояло избавиться определенным образом от трупа, так, чтобы умерщвленный мною Вайс не превратился в вампира. Я не мог своими руками обезглавливать и протыкать колом тела своих жертв, поэтому и нанял Вайса. И мне стоило большого труда найти отщепенца, выполняющего, что велят, и не задающего никаких вопросов. При этом Вайса привлекали не только деньги: сам жестокий ритуал доставлял ему какое-то извращенное наслаждение.

Но как доверять Вайсу теперь, когда он допустил грубейший промах? И если выбирать себе очередную жертву, не лучше ли избавить мир от такого животного, как Вайс, чем лишать жизни ни в чем не повинного прохожего?

Все эти мысли лихорадочно проносились у меня в голове. Вайс стоял молча, не поднимая головы. Я уже было потянулся к нему, когда услышал цокот копыт по булыжной мостовой. В нашу сторону ехала элегантная карета, запряженная парой черных лошадей. Муки голода стали совершен-

но невыносимыми, и я решил, наплевав на все последствия, затащить Вайса в дом и насытиться. Оставалось лишь переждать, пока проедет карета.

А карета ехала все медленнее. Я с ужасом наблюдал за тем, как кучер остановил лошадей прямо напротив моего дома. Жандармы? Неужели Вайс меня предал? Или они сами его выследили?

Я мысленно приказал себе успокоиться и рассуждать логично. Жандармы в таких роскошных экипажах не ездят. А вдруг они специально наняли карету, чтобы я ничего не заподозрил? Вайс тоже беспокойно оглядывался, видимо пытаясь понять, что происходит. В это время кучер слез с козел и открыл лакированную дверцу. Мой помощник шепотом выругался, выражая неподдельное изумление: подав кучеру ослепительно белую руку, из кареты вышла женщина. Ее ножки в изящных туфельках, лишь на мгновение показавшиеся из-под длинного платья, легко коснулись мостовой.

Я застыл в глубине коридора, вцепившись в дверную ручку. Простой смертный ни за что бы меня не заметил. Но женщиной, вышедшей из кареты, была моя сестра Жужанна.

Моя милая бедняжка Жужа. Она родилась с усохшей ногой и искривленным позвоночником. Невозможно было без жалости смотреть, как она с трудом ковыляла по комнатам и коридорам нашего дома. Увечье обрекало ее на одиночество. Болезненное, хрупкое создание с молочно-белой кожей, темно-кариими глазами и иссиня-черными волосами, обрамляв-

шими острые черты лица, которые даже самый добросердечный человек не рискнул бы назвать красивыми. Но уродство не озлобило Жужу, ее сердце было добрым и отзывчивым. Как мы с отцом любили ее, как нянчились с нею, стараясь уберечь от всех невзгод и своим вниманием хотя бы отчасти восполнить то, в чем отказала ей природа... Но все равно жизнь ее была пуста, она страдала от неразделенной потребности в мужской любви, и это делало ее (как мне казалось в прошлом) немного сумасшедшей.

Однако сейчас передо мной стояла не калека в невзрачном домашнем платье, а сама Венера: стройная, безупречно прямая, в широкополой черной шляпе с густой вуалью. Ее бархатное платье тоже было черным, что лишь подчеркивало изумительную, сияющую белизну ее кожи, напоминающую лунный свет. Жужанна повернула голову в направлении крыльца, затем подняла вуаль, открыв свое прекрасное лицо. Ее глаза блестели, как две звезды, а кожа мерцала таинственным светом. Такое же дивное сияние я каждую ночь видел и на своем теле.

Мне не удалось спрятаться от Жужанны. Она меня увидела, и ее алые как кровь, полные, нежные губы изогнулись полумесяцем, обнажив белоснежные зубы.

Я нерешительно попятился назад, готовый спасаться бегством. Из кареты доносились голоса. Если Жужанна приехала вместе с Владом...

Сестра сделала шаг навстречу и умоляюще подняла руку.

– Аркадий! – позвала она.

Ее голос напоминал голос прежней, невинной и наивной Жужи. Но в нем появились новые интонации: сладостные, манящие, словно пение сирены.

– Каша, дорогой! Ты должен мне поверить. Я больше не могла находиться рядом с ним и отправилась искать тебя...

Я не шевелился. Сестра пошла к крыльцу. Моя рука по-прежнему сжимала дверную ручку. Вайс, не понимавший ни слова по-румынски, очумело таращил глаза на Жужанну. Заметив его, она опустила голову.

– Каша, – доверительно шепнула Жужанна. – Дорогой мой брат, мне нужно о многом рассказать тебе, но наедине.

Я повернулся к Вайсу, удивляясь, что произошедшие сомной изменения не коснулись братского, покровительственного отношения к сестре. Впрочем, сейчас Жужанне ничего угрожало. Скорее наоборот.

– Уходите, – велел я Вайсу. – Потом поговорим. Невзирая на мои мысленные приказы, упрямый человечешка с величайшей неохотой поплелся прочь от моего дома. Красота Жужанны загипнотизировала его.

Я не торопился заключать сестру в объятия, а с прежней настороженностью следил за нею. Она протянула ко мне руку. Прикосновение смертных людей, даже если у них озябли руки, все равно остается теплым. Рука Жужанны, обтянутая перчаткой, была так же холодна, как и моя.

На мгновение за этим великолепным фасадом я вновь

увидел прежнюю, до боли близкую родную сестру. Ее карие глаза приобрели золотистый оттенок, но взгляд принадлежал той, живой Жуже. Мое холодное сердце сжалось от нежности и тоски.

– Верь мне, – произнесла она смиренным голосом, настолько тихим, что человеческое ухо вряд ли уловило эти слова. – Ты опасаясь, что я привезла Влада. Не бойся, Каша. Я бы ни за что этого не сделала. Помнишь, я тебе говорила: мы во многом остаемся такими же, какими были при жизни? Разве я тогда не рассказала тебе о договоре? Разве не умоляла бежать, чтобы он не завладел ребенком?

– Я все помню, – тихо ответил я.

Сестра говорила правду. Она действительно предостерегла меня и вообще сделала все, что могла, для спасения моей маленькой семьи: меня самого, Мери и ребенка. И в то же время Жужанна изо всех сил противилась моему стремлению погубить Влада – ее благодетеля, соблазнителя и убийцы.

– Но если ты явилась сюда, то должна знать... – начал я. Душевная боль исказила ее лицо.

– Знаю, – прошептала Жужанна. – Ты живешь только ради того, чтобы его уничтожить. А я...

Она отвела глаза, затем вновь устремила на меня взгляд и зашептала. Голос ее стал громче, и теперь в нем звучала неподдельная ненависть.

– Я не могу больше находиться рядом с ним, Каша. Сама

я не в состоянии поднять на него руку... Но оставаться возле него и видеть всю эту жестокость невыносимо!

— Он был жесток с тобой? — изумился я, подавляя в себе желание опекать и защищать свою несчастную сестру.

Она качнула головой, и лунный свет сначала коснулся ее локонов, придав черным как смоль прядям оттенок индиго, а потом скользнул по перламутровому лбу, который, словно огромная жемчужина, переливался голубоватыми, розоватыми и серебристыми тонами.

— Не со мной. С гостями. Меня он пальцем не тронул. Только потешался над моей неопытностью и нежеланием мучить людей.

Жужанна умолкла и тут же с еще большим отчаянием воскликнула:

— Позволь мне остаться с тобой! Прошу тебя! Я не могу вернуться к нему.

Пальцы Жужи гладили мои холодные руки, но я не отвечал на ее по-детски трогательные ласки, внешне оставаясь спокойным и неподвижным. Но внутри у меня, едва я ощутил прикосновение сестры, все всколыхнулось. Долгие месяцы после разлуки с женой и новорожденным сыном я страдал от одиночества. Такой беспредельной пустоты я никогда не испытывал в своей прежней, человеческой жизни. Теперь я понимал (но это не значит, что одобрял) причины, побудившие Влада сделать Жужанну подобной себе. Как мне хотелось поверить в ее искренность! Глядя в ее глаза, отливав-

шие золотом, я не видел притворства. В них были лишь любовь и страдание.

Судьба сжалилась надо мной: рядом появилась родственная душа, способная понять и разделить весь ужас нынешнего существования.

Я отступил на шаг, сурово оглядел Жужанну с головы до пят (как же тяжело мне было сохранять строгий вид рядом с ее удивительной красотой!) и сказал:

– Если останешься со мной, ты должна будешь порвать с ним навсегда. Он не простит тебе отступничества. И еще: поклянись, что никогда, ни при каких обстоятельствах не расскажешь ему ни о том, где я нахожусь, ни о моих замыслах.

– Которые заключаются в том, чтобы его уничтожить, – договорила за меня Жужанна. – Клянусь.

Едва заметив на моем лице первые слабые признаки того, что я готов согласиться, Жужанна с прежней своей порывистостью бросилась ко мне и крепко обняла.

– Каша, милый мой! Я безумно по тебе соскучилась!

У меня больше не было необходимости изображать строгого брата, и я с радостью ответил на ее объятие, а затем наклонился, чтобы поцеловать ей лоб, как часто делал это, будучи живым. Иссиня-черные волосы Жужанны стали тоньше и мягче и приобрели шелковистый блеск. Казалось, от них исходит слабое голубоватое свечение, а еще они пахли духами, чего в прежней жизни никогда не было. И все же этот изысканный аромат, окутывавший сестру, точно облако,

не сумел обмануть мое обострившееся обоняние: Жужа, подобно всем неумершим, не имела того непередаваемого запаха живого тепла, что присущ и зверям, и людям до самого их последнего вздоха. И кровь ее пахла совершенно иначе: она была не сладковатой, как у обычного человека, а горькой. Обнимая Жужанну, я чувствовал ее идеально прямую спину. Только тело под бархатным платьем было холодным.

Я разжал руки. Помня о голосах в карете, я с некоторой настороженностью спросил:

– А почему ты приехала не одна?

Жужанна хитро улыбнулась и, привстав на цыпочки, зашептала мне прямо в ухо.

– Я же не могла приехать без подарка, – с простодушием маленькой девочки сообщила она.

Жужанна дотронулась до моих щек.

– Ты совсем исхудал, братец. Взгляни на себя! Ты голоден. Я это почувствовала еще в карете. Если я помешала тебе поужинать, то должна исправить свою промашку.

Раньше чем я успел открыть рот, она повернулась и подавала знак кучеру, который вновь открыл дверцу кареты. Оттуда вылезли двое улыбающихся молодых людей. Оба держали в руках по бутылке шампанского. Первый из спутников Жужанны был среднего роста, весьма упитанный, с густыми золотистыми волосами. Туго накрахмаленный воротник сдавливал его бычью шею, и она складками нависала над поношенной пелериной. Он оценивающе оглядел мою сестру и,

думая, что никто, кроме спутника, его не услышит, шепнул тому на ухо:

– Эту красотку я оставляю за собой. С тебя хватит и служанки.

Видимо, очень довольный своим остроумием, он грубо захохотал.

Реплика была произнесена по-английски, а выговор выдавал в упитанном мужчине уроженца Лондона. Но сами слова, неуместный смех и нескрываемое высокомерие сразу же вызвали у меня неприязнь.

Его приятель был выше ростом, лучше одет и атлетически сложен. Выющиеся темно-русые волосы лишь подчеркивали его молодость. Он казался более трезвым, нежели толстяк, или просто хорошо умел скрывать свое опьянение. В ответ на бесцеремонное заявление он лишь рассеянно улыбнулся. Его восхищенный взгляд был прикован к Жуже. Кажется, моя сестра покорила его сердце.

Я провел в Англии четыре года, а моя жена тоже была уроженкой столицы туманного Альбиона. В прежней жизни я бы несказанно обрадовался, встретив лондонцев, и принялся бы расспрашивать их о новостях этого удивительного города. Меня и сейчас в какой-то мере радовала перспектива провести вечер в компании англичан. Но в еще большей степени меня ужасало собственное хладнокровие (хотя теперь у меня действительно была холодная кровь): перед тем как выпить кровь жертв, насладиться беседой с ними. Неужели

я становлюсь похожим на Влада?

– Господа! – весело крикнула по-английски Жужанна. – Идите сюда и познакомьтесь с моим братом. Этот вечер мы проведем у него в гостях.

Англичане, улыбаясь и пошатываясь, двинулись к нам. На крыльце упитанный блондин споткнулся и, если бы не его спутник, наверняка бы упал. Появление Жужанны и гостей застало меня врасплох. Я сумел кое-как изобразить радушие, однако скопировать ослепительную улыбку Жужанны мне не удалось. Какими бы ни были эти люди, сейчас они, предвкушая замечательную вечеринку, брели навстречу своему концу. Жужанна так искренне и заразительно улыбалась, что, не зная ее истинных намерений, никогда бы и не заподозрил ловушки.

Став вампиром, я не потерял совесть. Превозмогая чувство голода, она требовала под любым предлогом немедленно выпроводить всю компанию. Наблюдать, как двое подвыпивших гуляк идут прямо в западню... Совесть противилась этому жестокому, расчетливому маневру Жужанны. До сих пор моими жертвами были подонки венского общества: проститутки, воры и прочее отребье. Я не мог да и не желал искать себе пищу в других, более благополучных слоях общества.

Но ветер уже донес до меня их запах. Я вмиг оказался заморожен их кровью, как они – моей сестрой. Я видел, какими глазами Жужанна смотрела на англичан. Она жаждала кро-

ви, и ее жажда превосходила мою! Улыбка Жужанны стала еще шире, когда сестра убедилась, что я ослаб от голода и не буду сопротивляться ее затее.

Пока темноволосый англичанин помогал своему спутнику восстановить равновесие, я увидел, как из кареты вышла невысокая, худенькая, просто одетая девушка и робко засеменила в нашу сторону. Она была необычайно бледна, но, как и англичане, принадлежала к миру живых. И все же запах ее крови мне показался весьма необычным: вместе со сладковатым привкусом в нем ощущался слабый оттенок горечи. Тогда я не обратил на это особого внимания, но теперь-то я знаю: подмеченная мною странность свидетельствовала о начале превращения. Так пахнет человек пока еще живой, но обреченный стать неумершим.

Когда девушка подошла ближе, я вздрогнул – передо мной была Дуня, наша трансильванская горничная! Она преданно служила Мери, ухаживала за ней при родах. Но Влад укусил ее, чтобы полностью подчинить несчастную девушку своей воле. Прошедшие месяцы сделали меня почти бесчувственным, и все-таки, увидев Дуню, я испытал прилив искреннего сожаления. Бедняжка была еще совсем юной – не старше шестнадцати-семнадцати лет, и именно ее необычайная душевная чистота, ее верность нам обрекли добрую девушку на такую ужасную судьбу. Дуня подняла на меня глаза, и они округлились от удивления и необоримого страха. Интересно, как выглядел я теперь в глазах тех, кто знал меня до пре-

вращения? Смотреться в зеркала было бесполезно, ибо вампиры в них не отражаются. Неужели я стал столь же омерзителен, сколь прекрасна Жужанна?

– Дуня, – тихо произнес я, кивнув головой.

Девушка слегка поклонилась и тут же отвела глаза. Я хотел было сказать, что рад видеть ее, но не стал лгать, поскольку на самом деле не ощущал никакой радости. Мне оставалось лишь глубоко раскаиваться в том, что эта девушка оказалась сейчас рядом со мной и Жужей. Мы давно уже не были теми добрыми хозяевами, которым она так преданно служила. Теперь она находилась в компании убийц, способных причинить вред ей и всем тем, кого они изберут своими очередными жертвами. Я понимал; Дуня стала горничной у моей сестры отнюдь не из любви или верности, просто она уже не являлась хозяйкой собственного разума. Укусив бедную девушку, Влад сделал ее своей пешкой. Возможно, Жужанна тоже обладала такой же властью над ней.

В кого же ты превратилась, Жужа? Неужели это ты когда-то безутешно рыдала над убитыми птицами, которых мы с отцом приносили с охоты? И в кого превратился я сам, послушно раскрывая перед ней двери своего жилища?

Жалость к Дуне не лишила меня осторожности. Наклонившись к Жужанне, я шепнул ей на ухо по-английски:

– Зачем ты привезла ее сюда? Ведь она – глаза и уши Влада!

Улыбка на лице Жужанны не померкла даже на секунду.

Похоже, моя сестра не ощущала вины за то, что превратила Дуню в безвольную рабыню.

– Теперь она служит только мне. Поверь, нам ничего не угрожает.

Видя мои сомнения, Жужанна поспешно добавила:

– Ты еще многого не знаешь, Каша. Меня просто поражает твоя наивность и неискушенность.

Англичане одолели ступени крыльца и встали рядом с нами.

– Господа, разрешите представить вам моего брата Аркадия... – Жужанна бросила на меня быстрый, неуверенный взгляд и закончила фразу: – Аркадия Цепеша.

– Дракула, – поправил я ее.

При жизни я упорно отстаивал фамилию Цепеш – так именовался наш род в течение многих поколений, а Дракул было скорее прозвищем, которое я ненавидел, считая его плодом крестьянских суеверий. Причем это прозвище произошло не оттого, что на нашем старинном родовом гербе красовался дракон, а оттого, что они верили, будто все мы, Цепеши, дети дьявола⁴.

Крестьяне не ошибались: мы и впрямь были детьми дьявола.

Жужанна быстро и изящно загладила свою оплошность:

– Да, Аркадия Дракула. А эти джентльмены путешествуют по Европе и в Вене проездом. Позволь их тебе представить. –

⁴ Игра слов: слово *dracul* по-румынски означает и «дракон», и «дьявол».

Жужанна кивнула в сторону грузного блондина:

– Это мистер Реджинальд Лайенс. А это, – последовал новый кивок, – мистер Энтони Лебо.

У Лебо сияли глаза. Его щеки слегка покраснелись от выпитого вина, однако движения англичанина оставались твердыми и речь – вполне вразумительной. Он вежливо поклонился.

– Мне не передать, насколько приятно услышать на чужбине родную английскую речь, да еще из уст столь очаровательной юной леди!

Лайенс, опираясь о приятеля, громко рявкнул:

– Так ваша сестра говорила правду? Вы и в самом деле граф?

– Разумеется, – коротко бросил я, едва сдержавшись, чтобы не ответить резкостью.

Я уже не слушал голос совести и не желал тратить время на пустые разговоры. Мне хотелось поскорее затащить англичан в дом и впиться одному из них зубами в шею, но я собрался с силами и пояснил:

– Наш род происходит от древних властителей, которые правили...

– Румынией, кажется? – вступил в разговор Лебо, искоса поглядывая на Жужанну.

– Да, ее южной частью, которая называется Валахия. А вообще наш род очень древний и насчитывает более тысячи трехсот лет.

Эта пустая болтовня настолько утомила меня, что я повернулся и, не извинившись, скрылся в доме. Жужанна с Дуней двинулись следом за мной. Англичане нерешительно топтались у порога. Потом я догадался: их обескуражила почти крошечная тьма, царившая внутри. От колеблющегося пламени единственной свечи по потолку змеились тени.

– Прошу меня извинить, – буркнул я и принялся зажигать лампы и свечи.

Мои гости, не скрывая своего изумления, принялись разглядывать спартанскую обстановку моего жилища: длинный диван, пара потертых стульев и покрытый толстым слоем пыли большой обеденный стол, в центре которого стоял серебряный канделябр. Весьма скудная меблировка для графской гостиной, хотя на самом деле я нынче не заслуживал даже такой.

То, что я принял за платье Жужанны, оказалось шикарным пальто. Дуня помогла госпоже раздеться. Под черным бархатом скрывалось великолепное платье из серебристого атласа и муара с таким смелым декольте, что я невольно отвел глаза, а Лайенс и Лебо беззастенчиво впились взглядами в роскошный бюст моей сестры.

Пока Дуня робко принимала у гостей верхнюю одежду (ее поведение не изменилось), я приготовился к нападению. Жужанна угадала мое намерение, встала рядом. Продолжая обворожительно улыбаться, она шепнула мне:

– Не сейчас. Ты мне доверяешь, Каша?

Я был не в состоянии ответить на ее вопрос. От голода я вообще перестал соображать. Я чувствовал только одно: если сейчас я не напьюсь крови, то потеряю последние силы и рухну на пол. Но, заглянув в бездонные глаза Жужи, я молча покорился.

Сестра наградила меня ободряющей улыбкой.

– Прощу тебя, Каша: доверься мне и не возмущайся. Просто делай так, как я тебе скажу...

К нам, покачиваясь на нетвердых ногах, подошел Лайенс. Пьяно ухмыляясь и поводя красным носом, он спросил:

– А где же ваши слуги? Странно, понимаете ли, – граф и вдруг без слуг.

Жужа сильно сжала мою руку, и я холодно ответил:

– Я ценю уединение и потому к вечеру всегда отсылаю слуг из дома.

Если Лайенс и почувствовал в моих словах плохо замаскированную колкость, он не подал виду. Вместо этого англичанин изобразил веселую улыбку и повернулся к Дуне, которая пыталась навести хоть какой-то порядок в моей берлоге.

– По-моему, самое время промочить горло. Давай сюда, красавица, наше шампанское и не забудь бокалы. Ну, что же ты стоишь?

Я перевел Дуне слова Лайенса. Девушка поспешила исполнить его повеление, но открывать шампанское ей, видимо, еще не доводилось, и она нерешительно вертела в руках бутылку, не зная, как это делается. Я помог ей. Запах Ду-

ниного тела пронзил меня нестерпимой, грызущей болью. Я испугался, что не выдержу и вопьюсь девушке в шею. Дуня перехватила мой хищный, голодный взгляд и все поняла. Она торопливо забрала у меня открытую бутылку и поставила перед Лайенсом, как тот и просил. Разыскав бокалы, Дуня подала их гостям и, ни слова не говоря, забилась в темный угол, подальше от меня.

От голода я буквально сходил с ума и в какой-то момент почувствовал, что у меня не хватит сил исполнить просьбу Жужанна. Я решил насытиться немедленно, и будь что будет. Однако увиденное заставило меня забыть даже о голоде.

Словно загипнотизированный, я стоял и смотрел на сестру. Жужанна, усевшись на диване между англичанами, кокетливо щебетала, то и дело подливая шампанское в их бокалы. Вскоре Лайенсу стало трудно даже сидеть. Его тело клонилось набок, а голова запрокидывалась назад. Жужанна бросала голодные взгляды на его толстую побагровевшую шею.

– Дорогой мой мистер Лайенс, – невинным голосом произнесла Жужанна. – Представляю, сколько мучений доставляет вам этот тугой воротничок. Но вы же не на официальном приеме, а в дружеской компании. Никто вас не осудит, если вы его расстегнете...

Пьяно улыбаясь, Лайенс погрозил ей пухлым пальцем.

– Не-ет. Эт-то неприлично-о. Я к нему прив-вык.

Но Жужанна проявила настойчивость и наконец застави-

ла толстяка расстегнуть воротник, после чего бесстыдно поцеловала англичанина в шею.

Я вдруг почувствовал себя презренным вуайеристом – по телу пробежала теплая волна, наполнившая меня возбуждением, сродни эротическому. Но к моему глубочайшему разочарованию, Жужанна не впилась зубами в шею Лайенса, а лишь провела губами по коже. Она словно стремилась по сильнее возбудить англичанина, себя и... меня.

Впрочем, Лайенс был уже порядком пьян для подобной игры. Он кое-как сумел поставить свой бокал на самый край стола, после чего тяжело ткнулся головой в колени Жужанны. Смеясь, сестра наклонилась над ним. Рука англичанина скользнула в ее декольте и оголила одну ослепительно белую грудь.

К моему удивлению, Жужанна не сконфузилась, не поспешила прикрыться, а, наоборот, оставила грудь на всеобщее обозрение и более того – принялась расстегивать на Лайенсе рубашку. Толстяк пытался, пытаясь зажать ее грудь в своей ладони, но из-за сильного опьянения он все никак не мог скоординировать свои движения.

Столь бесстыдное поведение и Жуки и Лайенса не оставило безучастным и более трезвого Лебо. Он тоже поставил свой бокал на стол, а затем наклонился с намерением поцеловать Жужанну прямо в губы.

Я весь напрягся. Какая же это, должно быть, мука – находиться рядом с пухлыми, полнокровными губами и не впить-

ся в них! Выдержка сестры меня просто поражала.

Лебо меж тем приник к губам Жужанны и задрожал от нарастающего возбуждения, обняв мою сестру за талию. Убедившись, что юная прелестница не противится, он осмелел, и его рука медленно заскользила вверх, пока не коснулась второй груди, которую молодой сластолюбец тоже извлек из-под серого атласа.

Мне сложно описывать чувства, которые я испытывал в то мгновение. Голод все так же властно заявлял о себе. К нему примешивались отвращение и стыд. Мне было больно смотреть, в кого превратилась моя наивная, невинная сестра. Я с трудом сдерживался, чтобы не броситься на распутных англичан и не расшвырять их в разные стороны.

Но Жужанна сидела, точно бесстыжая уличная девка, и посмеивалась, наблюдая, как Лебо подался вперед и, не обращая внимания на своего ослотившегося приятеля, прижался губами к одной из ее обнаженных грудей. Похоже, сестру не смущало даже мое присутствие. Жужанна взглянула на меня из-под полуприкрытых век и улыбнулась, видимо, желая меня подбодрить. Затем она расстегнула воротничок рубашки Лебо, находившегося в отупело-экстатическом состоянии.

Лебо поднял голову, быстро скинул жилетку, а Жужанна, поцеловав молодого англичанина, стала расстегивать пуговицы на его рубашке. Кажется, Лебо впервые вспомнил обо мне, он мотнул головой и простонал:

– Ваш брат...

Даже после этих слов на фантастически прекрасном лице Жужанны не мелькнуло и тени стыда. Она лукаво глянула в мою сторону и низким, хрипловатым голосом спросила своего распалившегося воздыхателя:

– Хотите, чтобы он к нам присоединился?

Лебо вздрогнул – несмотря на то, что его разум был затуманен изрядным количеством выпитого шампанского, вопрос Жужанны его явно шокировал. Но вскоре шок сменился любопытством и предвкушением чего-то необычного.

Жужанна усмехнулась и шевельнула пальцами, прося меня приблизиться.

Мне было омерзительно наблюдать эту вакханалию. К тому же меня снедал голод, доводя добезумия, и я не понимал, как Жужанне удастся противиться ему и при этом еще кокетничать. Тем не менее ее красота имела надо мной такую же власть, как и над англичанами, и я был готов уступить любым требованиям сестры. Жужанна предвкушала грандиозное пиршество и не торопилась. Но сколь странными и постыдными были приготовления к нему... Я решил честно описывать все, хотя некоторые признания даются мне нелегко. Пусть я превратился в неумершего, но я не перестал быть мужчиной. Женская красота возбуждала меня, разжигала чувственность. Зов плоти был сильнее доводов разума, твердившего, что Жужанна – моя сестра и подобные мысли греховны вдвойне. Однако по опыту жизни в Вене я знал: плот-

ские желания, появившиеся у меня, в большинстве своем были жадой крови, а не женского тела. Среди моих жертв было несколько хорошеньких проституток, но каждый раз, поддавшись зову плоти, я очень быстро забывал о нем ради утоления голода.

Лишить проститутку жизни казалось мне меньшим грехом, чем совокупиться с нею. Пусть судьба разлучила нас с Мери, но она по-прежнему оставалась моей любимой и желанной женой.

Я написал: "...был готов уступить любым требованиям сестры". Совесть еще продолжала сопротивляться, но голод вел меня к дивану. Магнетическая сила глаз Жужи делала меня, наравне с гостями, жалкой марионеткой. Голод заглушил все остальные чувства, заставил забыть об опасности. Наверное, появившись сейчас Влад с намерением меня уничтожить, я не стал бы противиться, лишь бы сначала мне позволили насытиться кровью.

Я подошел вплотную к дивану, на котором развалился Лайенс, положив голову Жужанне на колени. Он шумной хрипло дышал, силясь расстегнуть брюки. Его мясистое лицо еще больше покраснело, а блестящие глазки жадно следили, как Лебо ласкает перламутрово-белые груди Жужанны.

Лебо ревниво поглядел на меня и, вспомнив ее вопрос, промямлил:

– Он... с нами... н-нет.

– Как вам угодно, – хохотнула Жужанна. – Тогда пусть

посмотрит на нас. Вы не против?

Вопрос еще сильнее возбудил Лебо и прозвучал для него сигналом к решительным действиям. Он освободился от брюк, вытащил Жужанну из-под Лайенса, прислонил к спинке дивана, после чего сорвал с нее платье и нижнее белье.

Жужанна лишь посмеивалась... моя наивная, невинная сестра. Я стоял, созерцая эту гнусную сцену. Метаморфоза, произошедшая с Жужанной, и голодные спазмы сделали меня молчаливым и беспомощным. Я начал погружаться в вязкую, обволакивающую дремоту, словно принял чрезмерную дозу лауданума. Какая-то ничтожно малая часть моего сознания еще требовала вмешаться и прекратить эту оргию, но тело утратило способность двигаться. Я мог лишь стоять и в ужасе наблюдать за происходящим. Однако постепенно ужас оттеснила на задний план непонятная, но приятная истома.

На моих глазах Лебо привалил Жужанну к спинке дивана и овладел ею. Я слышал довольный смех сестры; точно шлюха, она крепко обхватила англичанина ногами. Ее атласное платье валялось на другой стороне дивана, накрыв серебристым водопадом физиономию пьяного Лайенса. Невзирая на свое отупение, тот разобрался в происходящем и отчаянно завопил:

– Эй, Лебо, мы так не договаривались!

Кое-как встав на колени, Лайенс пополз к Жужанне.

– Поднимите меня, – проворковала Жужанна, обращаясь к Лебо.

Рослый англичанин поднял ее, словно пушинку. Лайенс подполз к ним, добрался до любовников, выпрямился и...

Боже милосердный, мне стыдно сознавать, что я являлся свидетелем этой оргии. И был не в силах им помешать! Даже не знаю, как назвать мое состояние: ступором, гипнотическим трансом? Я лишь молча наблюдал, как моя сестра, постанывая от боли и наслаждения, позволила Лайенсу присоединиться к безобразной вакханалии. Правда, эти мысли мелькали где-то на границе сознания. Во мне же нарастало возбуждение, но отнюдь не от развратных сцен, разворачивающихся перед моими глазами. Я знал, что скоро, очень скоро утолю свой голод.

Бросив на меня быстрый взгляд, Жужанна заметным кивком головы велела мне приблизиться. К тому времени Лебо, закрыв глаза и запрокинув голову, стонал от наслаждения. По его вьющимся волосам и лицу струился пот. Лебо прижимал Жужанну к груди, а к ее спине привалился Лайенс – сестра находилась между двух англичан, словно в тисках.

Потом Лебо со вздохом отодвинулся.

– Ну как? – томным голосом спросила его Жужанна – Не желаете ли теперь попробовать моего брата?

– Да, – хрипло выдохнул Лебо.

Его лицо исказилось гримасой сладострастия, он закрыл глаза и тут же вновь широко распахнул их. Каким отвратительным огнем горели они!

– Да! – повторил Лебо.

С быстротой хищника я оказался у него за спиной, теперь ничего не подозревающая жертва находилась, будто в капкане, между своих палачей.

Чувствовалось, что Лебо не хотелось расставаться и с Жужанной, но она ловко вывернулась из его объятий. Ее взгляд был полностью сосредоточен на мне.

– Помоги ему, – шепнула она настолько тихо, что ее голос мог слышать только неумерший.

Велико было мое отвращение, но власть взгляда Жужанной, власть ее слов и самого ее присутствия оказалась намного сильнее. Я исполнял чужую волю и сознавал при этом свою полную беспомощность, словно очутился во сне, где хочешь что-то сделать, но не можешь... Я поймал себя на том, что пытаюсь оправдаться. Наверное, так оно и есть.

Нет, не совсем так. Я помню: что-то во мне все-таки противилось и даже возмущалось действиями Жужанной, обращавшейся со мной, как с марионеткой. Конечно, она жестоко лгала, пытаясь убедить меня, будто бы и после превращения осталась все той же милой и наивной Жужей. Но ужаснее всего, что она обладала знаниями и способностями, которых я еще не успел приобрести и которые она применяла, чтобы исполнить приказ Влада: подчинить и уничтожить меня. В лучшем случае (если я все-таки ошибался насчет того, что ее послал В.) она увязла в пучине разврата.

Да простит меня Господь, но я повиновался ей. Я подошел к Лебо и взял его за талию, якобы собираясь доставить

ему извращенное наслаждение. Моя ладонь ощутила биение его пульса. Я прижался щекой к его шее (Лебо был выше меня). Сердце англичанина стучало громко и ровно. Меня обдало запахом живого человеческого тела и теплой крови, который едва не привел меня на грань неистовства. Я уже открыл рот...

"Рано!" – мысленно приказала мне Жужа.

Я отчетливо слышал это слово, хотя не видел, чтобы ее губы хотя бы слегка шевельнулись, и покорно замер, обреченный на нескончаемое предвкушение пиршества.

Только тут до меня дошло, что Лебо вторично совокупляется с Жужанной. Наконец он достиг экстаза, вскрикнул и, выгнув спину, уперся в меня. Жужанна всем телом довольно неуклюже подалась за ним (между тем Лайенс упрямо пытался овладеть ею сзади) и вонзила зубы в шею Лебо.

Я почувствовал, что разум вновь подчиняется мне. Меня захлестнула волна ярости, и я последовал примеру сестры.

Я пил его кровь, не в силах оторваться...

Как всегда, кровь была восхитительна. Я вкушал настоящий нектар, дарящий силы, но к привычному вкусу добавился оттенок, совершенно мне незнакомый. Поначалу я решил, что причиной тому выпитое англичанином шампанское (недаром у меня закружилась голова). Однако вскоре я понял: это плотское наслаждение, испытанное Лебо, придало его крови столь необычный привкус. Я вздрогнул, пошатнулся и едва не потерял сознание. Насыщение всегда доставляло

мне громадное чувственное удовольствие, но то, что я ощущал сейчас... это переходило все границы. Я буквально упивался его изысканностью.

Помимо экстаза, в котором все еще пребывал несчастный англичанин, я ловил обрывки его мыслей и чувств. Передо мной промелькнуло простое и милое лицо какой-то девушки, потом пронеслись образы седовласых мужчины и женщины. Оказывается, Лебо было стыдно за содеянное – я поймал и эту мысль.

Я мог бы задержаться в его разуме подольше, но находиться рядом с умирающими людьми всегда было для меня мучительно. Я предпочитал убивать своих жертв быстро и аккуратно, не позволяя себе глубоко проникать в их чувства. Сейчас мне требовалась лишь кровь Лебо и его экстаз. Я довольно легко добился желаемого. Когда человек умирает, его воспоминания бледнеют. Все мои жертвы уходили из жизни в состоянии блаженного забытья.

От наших с сестрой ласк и фатальных поцелуев Лебо быстро слабел. Мы с Жужанной, точно голодные звери, впились в него, продолжая высасывать кровь из обмякшего тела. Если бы мы не держали его с обеих сторон, он бы упал, как тряпичная кукла.

Жужанна подняла на меня взгляд. Кровь и чувственные наслаждения опьянили ее. Мы переглянулись, и каждый увидел в глазах другого полное удовлетворение. Оторвавшись от Лебо, Жужанна торопливо шепнула (ее губы и зубы были

перепачканы кровью англичанина):

– Ну что, так вкуснее? После *этого* кровь всегда вкуснее...

Сестра была права, однако сам вопрос меня смутил. Мне, будто совращенной девственнице, не хотелось признаваться, что я и в самом деле испытал удивительное блаженство. Я закрыл глаза и полностью сосредоточился на своих ощущениях. Как же это прекрасно – пить не переставая теплую, пьянящую кровь молодого, сильного человека, смешанную с шампанским и плотским наслаждением...

Крови в жилах Лебо оставалось все меньше. Мне пришлось уже не пить, а высасывать ее. Сердце англичанина постепенно замирало и наконец совсем остановилось.

Лебо был мертв, но я все равно продолжал вытягивать из него остатки крови, забыв, чем мне это грозит. Жужанна с силой, которой не может обладать ни одна смертная женщина, оторвала меня от тела англичанина. Когда мертвый Леборухнул на пол, из моей глотки вырвался звериный рык.

Мне было мало! Я хотел еще! Я в ужасе взглянул на Жужанну. Моя сестра отбивалась от назойливых приставаний Лайенса.

– Этого, мой милый брат, я отдаю тебе целиком, – произнесла она и озорно улыбнулась.

Я подошел к Лайенсу со спины. Шаги мои были нетвердыми – видимо, вино, бурлившее в крови Лебо, частично передалось и мне. Но сейчас я не испытывал мук голода, к тому же у меня прибавилось сил; я стал ловчее. Убийство

второй жертвы превратилось в забаву, перспектива которой приятно будоражила меня. Падение Жужанны словно принесло мне свободу, и впервые за все эти месяцы я позволил себе наслаждаться охотой.

Стоя позади своей жертвы, я на секунду замер. Я смотрел из-за толстой, скрюченной спины Лайенса на жемчужный блеск шеи Жужи, на единственный локон ее темных волос, выбившийся из безупречной прически. Как же это было красиво – черный локон на белоснежной коже.

Я утолил первый голод и теперь мог охотиться, не торопясь, получая удовольствие от каждого движения. Но когда я приблизился к Лайенсу вплотную, витавшие вокруг него ароматы вновь разожгли во мне аппетит. Пахло недавним совокуплением, остывающим телом мертвого Лебо, наконец, пахло другим телом – потным и полным горячей крови.

Я с предельной осторожностью коснулся плеч Лайенса. Поскольку он стоял ко мне спиной, я не стал погружать его в состояние сладостного забытья. Падение сестры оказалось заразительным: меня не волновало, какими будут последние минуты этого борова.

Молниеносным движением я впился в шею Лайенса, почувствовав на языке обжигающе соленый вкус его пота.

Лайенс качнулся назад, завопив от боли и страха. Жужанна вырвалась из его рук и удобно устроилась на бархатных подушках, чтобы полюбоваться зрелищем. Собственная нагота ее ничуть не смущала. На губах сестры играла доволь-

ная чувственная улыбка.

Боже, прости меня... хотя я едва ли могу рассчитывать на Его прощение. Стыдно сознаваться, но сопротивление Лайенса приятно возбуждало меня и доставляло наслаждение. Англичанин бился, пытаясь освободиться, но я крепко держал его, снова и снова прокусывая толстую кожу. Наконец я добрался до вены, вонзил в нее зубы, и оттуда брызнула кровь.

Струя крови попала Жужанне на лицо и грудь. Смеясь, моя сестра открыла рот и стала ловить алые капельки с невинной радостью маленькой девочки, пытающейся поймать на язык снежинку. Но ее удовольствие было коротким, ибо я тут же припал к жизнетворному источнику и начал неистово пить. Вскоре Лайенс ослабел и прекратил брыкаться, а затем и вовсе повис на мне. Его сердце бешено колотилось, как у воробья, попавшего в силоч.

Я продолжал пить, не обращая внимания на тяжесть его тела. Почувствовав, что Лайенс мертв, я сразу же оторвался от него. Труп англичанина грузно повалился на пол. У меня вдруг сильно закружилась голова. Я упал на диван, голова моя опустилась на подушки. Кровь моих жертв, перемешанная с шампанским, подстегнула мои мысли, и они понеслись.

Я закрыл глаза и провалился в сон. Теперь я уже был не жалким убийцей, пленником венских ночей, а простым смертным, ехавшим из Вены в Буда-Пешт. Стучали колеса поезда. Я лежал в темном купе, рядом с женой и ребенком,

которому вскоре предстояло родиться... Знай я, какая судьба ждет меня в родных трансильванских горах, я бы ни за что туда не вернулся. Мы бы бежали даже из Европы. О Мери, моя дорогая Мери! Как же безрассудно я поступил, когда привез тебя прямо в логово чудовищного зла, о существовании которого даже не догадывался. Теперь мне остается лишь уповать на то, что ты и наш сын находитесь в безопасности и недостижимы для Влада...

Сон продолжался. Я протянул руку к спящей жене. Мери шевельнулась. Золотистые ресницы дрогнули, веки медленно поднялись. Она открыла глаза... Каким удивительным спокойствием веяло от этих синих сверкающих очей, сколько любви было в них! Я заплакал и придвинулся к ней...

...оказавшись в коляске на лесной дороге, где нас настиг Влад. Глухо рычали волки, неистово ржали испуганные лошади. В. презрительно смеялся над нашей попыткой бегства, но вскоре его смех превратился в злобный крик, когда он увидел, как Мери, нацелив мне в грудь револьвер, пристально посмотрела на меня.

Взгляд жены был полон бесконечной любви и сострадания.

Выстрел. Едкий запах пороха. Острая боль, пронзившая сердце.

Но на этот раз я не умер. В своем полубезумном сне я сумел поймать тонкие белые пальцы Мери. Слезы хлынули у меня из глаз, когда ее руки призывно потянулись ко мне. Ме-

ри, живая, настоящая Мери; я держал ее в объятиях, уткнувшись в ее золотистые волосы, которые стали мокрыми от моих холодных слез. Меня охватила любовная страсть, какой я не знал при жизни. Даже смерть не смогла погасить моего желания.

Я уступил ласкам Мери, ее словам и овладел ею... или она овладела мною? Сладостная истома несколько остудила мою страсть, и в момент высшего наслаждения прекрасный образ Мери вдруг, дрогнув, исчез, а его сменило лицо нашей бывшей горничной Дуни.

Я испуганно закричал. Но истома вновь окутала меня своим покрывалом. Я увидел другой сон. И опять Мери была рядом, и я страстно ее желал. Я овладел женой и только потом осознал, что ее лицо перепачкано свежей кровью.

Во сне я пригляделся и снова закричал. Женщина, лежавшая рядом со мною, была не Мери. На этот раз, к моему величайшему ужасу, я обнаружил возле себя собственную сестру.

Кошмарный сон превратился в не менее кошмарную явь. Я открыл глаза и увидел, что Жужанна и в самом деле лежит в моих объятиях. Содрогаясь от стыда и отвращения, я отстранился от нее и, сев, огляделся по сторонам. Мы с сестрой находились на диване. Рядом, на полу, равнодушная к остывающим трупам, громко храпела полураздетая Дуня.

Поднявшись, Жужанна как ни в чем не бывало надела платье и принялась застегивать пуговицы, однако ее движе-

ния утратили кокетливую небрежность. С лица исчезла похотливая улыбка, оно стало серьезным и даже суровым, словно впервые за все это время Жужанна задумалась о последствиях содеянного.

Я лихорадочно натянул на себя одежду. Мой голос дрожал от стыда и ярости.

– Как... как ты посмела это сделать? Ты нарочно погрузила меня в сон. Но зачем? Разве тебе было мало любовных утех?

Свечи давно догорели, за окнами занимался серый рассвет. Ночь уходила, и вместе с ней таяла и сверхъестественная красота Жужанны. Нет, ее лицо не стало уродливым. Но синеватый отблеск волос, лунное сияние кожи, золотистые огоньки в глазах – все это поблекло. Передо мной была всего лишь привлекательная смертная женщина.

Жужанна ответила не сразу. Вначале она еще раз взглянула на Дуню, желая убедиться, что та продолжает спать.

– Я сделала это, чтобы спасти тебя, Каша, – тихо сказала Жужанна. – Чтобы спасти всех нас.

Заметив мое недоумение, она пояснила:

– Ты умер совсем недавно. Влад говорит, что пока еще от тебя могут быть дети. Ребенок, Каша. Мне всего-навсего нужен ребенок.

Всего-навсего! Я едва не застонал от ужаса: как Жужанна может спокойно говорить о принесении в жертву ее ребенка... *нашего* ребенка? Неужели она думает, что дитя, родившееся от кровосмесительного соития, будет в меньшей сте-

пени человеком? Или я буду меньше его любить? А может, она считает, что такого ребенка легче обречь на безрадостную, полную страданий судьбу?

Видя боль, написанную на моем лице, Жужанна повысила голос и попыталась оправдаться:

– При жизни я была слишком многого лишена. Не лишай меня этой радости. Или ты хочешь, чтобы *он* выследил твоего сына?

Я был противен самому себе. Мне не хотелось отвечать, и я отвернулся.

– Мне необходимо сообщить тебе, что Влад напал на твой след, – вдруг сказала Жужанна. – Он уже щедро заплатил твоему подручному... да-да, тому самому, что вчера вечером был здесь. После восхода солнца этот человек должен прийти сюда и расправиться с тобой так же, как поступал с телами твоих жертв.

– А почему Влад не поручил это тебе? – с горечью спросил я. – Намного проще было бы покончить со мной, когда я, беспомощный, лежал рядом с тобой. Что ж ты этого не сделала?

На прекрасном лице Жужанны появилось выражение откровенного удивления.

– Оказывается, ты не знаешь...

– Что я должен знать?

– Ни Влад, ни ты не можете уничтожить друг друга. Договор это запрещает. Мы можем умереть лишь от руки смерт-

ного человека.

Я молча размышлял над ее словами, пока сестра довольно резко не прервала мои раздумья.

– У тебя нет времени, Каша. Ты должен немедленно покинуть этот дом.

– Уж не с тобой ли вместе? – спросил я, чувствуя, как во мне опять закипает ярость. – К какой уловке ты прибегнешь теперь?

– Ни к какой.

Жужанна опустила голову. Впервые за все время нашей встречи я уловил в ее голосе неподдельную печаль.

– Каша, я не прошу тебя поехать со мной и даже не спрашиваю, куда ты намерен отправиться. Но я должна кое-что тебе сказать. Что бы ты обо мне ни думал, я любила и продолжаю любить тебя.

Она заглянула мне в глаза.

– К сожалению, Каша, твой разум слишком податлив. Тобой очень легко управлять. Влад нашел тебя здесь. Найдет и в другом месте. Он слишком силен, опытен и коварен, чтобы ты смог с ним справиться.

– Если все это правда, что ж он не явился убедиться в моей гибели сам? Почему послал тебя?

– Это плата, которую от него потребовали за то, что он сделал тебя вампиром. Теперь он в течение нескольких десятков лет не смеет покидать пределов родового поместья. Но он не оставит тебя в покое. А ты за это время должен как

следует подготовиться. Суди сам: меньше чем за полгода он научил меня приемам, позволившим мне делать с тобой все, что захочу.

Она умолкла. В ее глазах мелькнуло что-то странное – выражение, которому тогда я не мог найти объяснения. Только позднее я догадался: то был страх. Страх за меня.

– Ты когда-нибудь слышал о Шоломанче? – спросила Жужанна.

– Слышал.

– Каша, это не выдумка. Она действительно существует, и ты должен туда отправиться. Влад меня убьет, если узнает, что я рассказала тебе о школе зла. Отправляйся туда, учись и становись таким же сильным, как Влад, иначе он тебя уничтожит.

Мое лицо окаменело, а в голосе, когда я заговорил, прозвучали доселе несвойственные мне металлические ноты:

– Если я туда попаду, то стану сильнее его. И тогда я позабочусь, чтобы не только он, но и все мы очутились в аду.

Я не видел, каким было лицо Жужанны, когда она услышала мои слова. Она поспешно отвернулась и тихо сказала:

– Тебе пора.

Склонившись над спящей Дуней, Жужанна принялась ее будить. Я молча вышел за дверь, оставив сестру в чужом доме с двумя обескровленными трупами. Добравшись до вокзала, я сел в первый поезд, идущий в Буда-Пешт. Там я пересел и отправился дальше на восток, в Румынию, чтобы в

конце концов оказаться на берегу озера Германштадт, в котором, как утверждают местные жители, обитает дьявол.

* * *

Вот опять загремел гром. Дракон позвал меня, и я иду...

Глава 2

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ДРАКУЛ

4 ноября 1845 года

Я пришла в этот мир жалкой калекой, родившись горбатой и хромоногой. В памяти у меня до сих пор сохранился жуткий звук моих тяжелых, неровных шагов. Я слышала его всю жизнь, с трудом ковыляя по каменным полам нашего фамильного дома.

В детстве я узнала нежную материнскую любовь, но достаточно рано мне открылось и другое: мать любила меня совсем не так, как моих братьев. Когда мне не исполнилось еще и восьми, она умерла. Отец и братья тоже меня любили. Можно сказать, они обожали эту грустную, увечную девочку с большими, влажными, как у лани, глазами. Но в их любви я всегда чувствовала жалость.

Да, они жалели меня. Ведь я была обречена всю жизнь провести в четырех стенах. Судьба отказала мне в другой любви. Разве у убогой калекки мог быть возлюбленный? А муж и дети? Я росла настолько одинокой, что впала в легкое умопомешательство. Я придумывала возлюбленных; я завела себе воображаемого спутника, определив на эту роль своего брата Стефана. На самом деле он погиб еще в детстве. Но в моем воображаемом мире Стефан был жив. Я превратила его в своего сына. Он послушно ходил со мной из комнаты в

комнату. Я любила читать ему вслух – ведь в книгах описывалась жизнь за стенами моей роскошной тюрьмы.

Невзирая на хрупкое, болезненное тело, мой разум был живым и пытливым. Письменный стол, книги, перо и чернила – все это вошло в мою жизнь очень рано. Обычно женщины из рода Цепешей получали лишь зачатки образования, но моя мать придерживалась иных взглядов. Она сама была хорошо образованной женщиной и вдобавок писала стихи. Мать рано обучила меня грамоте. В восемь лет я говорила не только по-румынски, но уже неплохо знала французский и немецкий языки. Отец принялся учить меня латыни. Когда я стала постарше, мы с Аркадием часто играли "в слова" и говорили между собой на иностранных языках. Свой дневник, желая скрыть написанное от чужих глаз, я вела на английском. И еще я все время мечтала о других странах, хотя и знала, что мне там не бывать.

До чего же я ненавидела тогда зеркала! Все они показывали тщедушную девочку с болезненно бледным лицом. Я почти не выходила на солнце, а лес и горы видела только из окон. Я ненавидела острые черты своего лица, излишне крупный нос с горбинкой и огромные карие глаза, жаждавшие любви. Разве кто-нибудь мог полюбить меня такой? И если бы некрасивое лицо было моим единственным недостатком! Оно служило лишь уродливым дополнением к телесным увечьям – ссохшейся, вывернутой ноге и искривленной спине, отчего одно мое плечо заметно возвышалось над

другим.

Я и сейчас ненавижу зеркала, но уже по иной причине: они не желают показывать произошедших со мной перемен. Сколько бы я ни стояла перед зеркалом, оно будет упрямо отражать пустоту. Как же мне хочется увидеть и прекрасное лицо, и удивительной красоты тело, наряженное в модное платье! Мною восхищаются, но сама я лишена этой возможности. Те, кто с восторгом смотрит на меня, едва ли поверят, что всего несколько месяцев назад я была жалкой калеккой. Теперь же у меня сильное, стройное тело с совершенными формами и идеально прямая спина. Возможно, я – самая прекрасная женщина в мире. Для подтверждения моего предположения не требуется зеркало, ибо свою правоту я вижу в глазах мужчин.

Кто же превратил гадкого утенка в прекрасного лебедя? Это сделал Влад, которого я по своей тогдашней наивности считала отцовским дядей. В свое время он поклялся никогда не совершать превращение над кем-либо из его семьи. Влад нарушил клятву из любви ко мне. Я всегда открыто восхищалась им, правильнее сказать, я обожала его и никогда этого не скрывала. Влад сумел разглядеть мятущуюся душу, плененную в увечном теле.

Один его поцелуй пробудил меня к новой жизни, но за нарушение договора он заплатил потерей власти над разумом моего брата. Влад пошел на громадный риск: он знал, что Аркадий обязательно попытается бежать. Само существова-

ние моего благодетеля оказалось под угрозой.

Тем не менее Влад, не колеблясь, заплатил эту высокую цену и стал моим возлюбленным. Он нежно и ласково ухаживал за мной, постепенно разжигая во мне любовный огонь, а потом искусно провел меня над пропастью смерти в иную жизнь, о которой я не смела и мечтать.

Благодаря ему я стала бессмертной. Теперь я не боюсь ни старости, ни страданий (за исключением мук голода). Уродливое тело осталось в той, прежней жизни. В нынешней существуют лишь красота, чувственные наслаждения и экстаз убийства своих жертв. Смертные мужчины восхищаются мною, боготворят меня, любят и мечтают, чтобы я им отдалась.

Узнав, что в первый год после превращения я еще могу забеременеть, я не отказывала никому, кто меня домогался. Только, скорее всего, я бесплодна, и здесь Влад бессилен чем-либо помочь... Но даже если это и так, я буду предаваться любви столько, сколько захочу. Мне никто не посмеет отказать в наслаждении. Всякий мужчина сочтет за счастье быть моим любовником. Я верю: у меня будет ребенок, пусть и не мой собственный.

Да, это Влад положил конец мучениям, называвшимся моей человеческой жизнью, и подарил мне новый мир, полный блистательных чувственных удовольствий. Я не вправе относиться к нему без любви и благодарности, даже если потом он и возненавидит меня. Я всегда буду в долгу перед

ним.

Влад ни в чем мне не отказывает. Ему доставляет удовольствие покупать мне наряды и исполнять мои прихоти. Он не устает любоваться моей красотой. Единственное, что разделяет нас, – это мой брат Аркадий, которого я привыкла называть детским именем Каша⁵.

Я люблю Влада за то, что он сделал и делает для меня, но за то, как он обошелся с моими отцом и братом, я его ненавижу. Дальнейшее существование Влада зависит от того, сумеет ли он поработить душу Аркадия. Точно так же, как прежде для продления жизни и поддержания сил ему было необходимо получить власть над душами моего отца, деда и всех старших сыновей в каждом поколении Цепешей.

Однако договор запрещал Владу делать вампирами кого-либо из близких. Я уже писала: он дорого заплатил за мое превращение. Но еще большую цену ему пришлось заплатить за бессмертие Каша, ибо теперь он заперт в своих владениях и в ближайшие четверть века не сможет их покинуть.

Влад и сам говорит, что у него есть не более двадцати пяти лет. За это время он должен уничтожить моего несчастного брата, иначе мы оба лишимся бессмертия, силы, красоты и... погибнем. Поскольку Владу никак не покинуть Трансильванию, он вынужден рассчитывать на помощь других, включая и меня.

⁵ Происхождение этого имени объясняется в первой главе первого тома трилогии «Договор с вампиром».

Двадцать пять лет... Но брат всегда был мне самым близким и верным другом. Разве я могу допустить, чтобы с ним стряслась беда?

Остается лишь тешить себя надеждой, что через четверть века мне надоест эта блистательная жизнь и я достойно уйду из нее. Для Влада же подобный исход абсолютно неприемлем. К тому же вдруг Аркадий еще раньше обретет силу и уничтожит моего спасителя и первого возлюбленного? Каша искренне верил, что любит меня, но в отличие от Влада в его чувстве ко мне было слишком много жалости и сострадания. Влад же единственный, кто не относился ко мне как к увечной.

Но если я не помешаю планам Аркадия (по правде говоря, я сама направила брата туда, где из него сделают серьезного и опасного противника), что будет со мной? Влад меня сотворил, и если погибнет он – мой бог, – погибну и я. Или нет? А вдруг он лжет, утверждая, что наше существование взаимосвязано?

Единственное решение – защищать их обоих, пока это в моих силах.

Меня не покидает страх, поскольку мне известен нрав Влада. Если он узнает правду о венских событиях, то непременно расправится со мной. Сам он не в состоянии меня уничтожить, но он всегда сможет поручить это кому-нибудь из смертных, падких на деньги... Здесь я не совсем права. Чтобы погубить вампира, нанятый человек должен обладать

недюжинным умом и определенными навыками. Тут не сыграешь на обыкновенном человеческом корыстолюбии. Но рано или поздно Влад найдет такого человека, если... если только мой брат не опередит его, сделав то же самое.

Впрочем, чего я боюсь? От меня Влад ни за что не узнает подробности нашего разговора с братом, от самого Каши – тем более. Бедняжка Дуня в это время спала и ничего не слышала.

Как мне не хотелось возвращаться в Трансильванию! Расставаясь с Веной, я плакала. Меня словно изгоняли из рая, полного красоты, роскоши и всевозможных удовольствий. Будучи смертным человеком, я не могла проехать в экипаже и нескольких минут, поскольку дорожная тряска сразу же отдавалась болью во всем теле. Мне было не выдержать даже поездку в Бистриц. А Вена оставалась для меня недостижимой мечтой, чудесной сказкой, которую рассказывали отец и Аркадий.

И наконец я сама попала в эту сказку, окунулась в ее волшебство. Ах, эти шумные, запруженные народом улицы, изысканные наряды, кондитерские, где пирожные похожи на драгоценные камни, восхитительные театры. А что за люди наполняют эти театральные залы!.. Их теплые тела безупречно вымыты, они источают аромат духов, облачены в восхитительные вечерние туалеты и украшены драгоценностями. Они приятнее пирожных и гораздо вкуснее. Сидеть рядом с ними, вдыхать их удивительный запах – запах молодой, силь-

ной крови, дополненный ароматом неведомых мне блюд и тонких вин, ощущать биение их горячих сердец... Как же все это меня завораживало и опьяняло!

А венские мужчины! Могу без преувеличения сказать, что абсолютно во всех обращенных на меня взглядах горело желание. Но выбирала я. О, сколько раз я мысленно повторяла; "Вот это жизнь!" И если я смогла окунуться в нее, лишь став неумершей, что ж, такой я предпочту и остаться. Своей прежней жизнью в увечном теле я сыта по горло.

Каково после Вены возвращаться в мрачный, темный замок Влада? В жуткую, звенящую тишину? Все слуги давно разбежались. Деревня тоже опустела. Узнав, что Влад нарушил договор и сделал меня бессмертной, крестьяне бросили дома и подались кто куда. Глупцы! Видно, они испугались, что Влад нарушит договор и с ними и начнет охотиться на них.

Итак, мы остались с ним вдвоем и вынуждены рассчитывать лишь на свои силы. Замок все больше ветшает. Я часто стою у окна и смотрю в сторону ущелья Борго, мечтая увидеть карету, наполненную живыми людьми, у которых горячая кровь и бьющиеся сердца. Но еще немного, и снег занесет дорогу, сделав ее непроходимой. Значит, наш нынешний гость – это все, чем мы располагаем до самой весны.

Последний гость... Подземные загоны пусты. Если бы мой брат не воспротивился уготованной ему роли и стал пособником Влада, в подземелье сейчас было бы полно людей. То-

гда можно было бы не беспокоиться о пропитании на зиму.

Похоже, нам придется голодать... слабость и терять свою красоту.

Как мне хочется сбежать из этой глуши в Вену! Иногда я жалею, что предупредила Аркадия (до чего же я дошла!), ибо моя щедрость может дорого мне стоить. Пусть я не вижу своего отражения в зеркалах, но я почувствую, когда начну дурнеть. Как я это переживу?

Теперь я прекрасно понимаю желание Влада перебраться в Лондон. Трансильвания уже не та, какой была раньше, и с каждым днем нам становится все труднее. Даже сейчас, теплой и сухой осенью, в замке нет новых гостей. А что будет дальше... Как здорово было бы вновь оказаться в громадном городе, полном ничего не подозревающих людей!

Мы уже давно могли бы уехать в Англию, но Каша, точнее, его бунт и побег – они стали для нас непреодолимой преградой. Владу придется оставаться в Трансильвании дотех пор, пока его наемники не уничтожат моего брата или пока за отведенные нам двадцать пять лет Каша вдруг не погибнет сам.

А ведь я могла освободить Влада! Он велел мне найти людей, которые согласились бы уничтожить Кашу. Я их нашла, но эти ничтожества не обладали нужными навыками, а в их убогих мозгах с трудом копошились мысли об обещанном золоте, но никак не о деле.

Неужели мне самой придется стать орудием гибели Аркадия?

Нет. Нет... во всяком случае, не сейчас. Я еще не готова расстаться с волнующей новой жизнью. И я должна оберегать Влада, поскольку никому из своих близких не хочу причинять вреда.

В замок я приехала поздним вечером, терзаемая грустью и голодом. Путь был нелегким, поскольку мы ехали в основном на лошадях. Кучер, которого мы наняли в Бистрице, согласился довезти нас только до ущелья Борго и сразу же повернул на Буковину. Влад позаботился об экипаже, но управлять лошадьми предстояло кому-то из нас троих: мне, Дуне или Жану.

Дуня едва держалась на ногах – дорога сильно утомила ее, да и Жан после наших неистовых ночей был не в лучшем состоянии. К тому же пока он спал, я украдкой насыщалась его вкусной кровью. Забравшись в экипаж, Дуня и Жан сразу же заснули. Мне не оставалось ничего иного, как самой усесться на козлы. Лошади побаивались меня и потому бежали резво, так что в замок мы приехали достаточно скоро. Я разбудила Дуню, затем перенесла спящего Жана в замок.

Только потом я поняла свою непростительную ошибку: нельзя было оставлять Жана без присмотра. Однако стеречь его у меня не было сил. Пока мы добирались сюда, я использовала любую возможность, чтобы насытиться. В последний раз я сделала это, когда мы ехали из Бистрица до ущелья Борго. Моей жертвой стал пожилой венгр (уверена, кучер ничего не заподозрил и спокойно ехал до самой Буковины,

где с ужасом обнаружил, что его единственный пассажир – остывший труп). А после насыщения всегда хочется спать.

Я была настолько сонной, что не потащила своего любовника в гостевые покои наверху, а оставила его на первом этаже. Там тоже есть комнаты для гостей, которыми Влад давно не пользуется. (Честно говоря, я надеялась, что проснусь раньше, чем Влад обнаружит присутствие Жана.) Обычно я сплю в потайной комнате, где стоят наши с Владом гробы. Но в тот вечер я кое-как доплелась до ближайшего погреба и забралась в первый попавшийся сундук.

Я спала почти сутки и проснулась только на следующий вечер, когда солнце уже успело сесть. Жана в комнате для гостей не оказалось. Зная, что Влад имеет обыкновение мучить своих жертв, я недовольно поморщилась: теперь мне вряд ли удастся защитить моего незадачливого любовника. Найдя спящую Дуню, я растолкала ее и велела идти со мной в тронный зал. Она, как всегда, испугалась и начала упираться, но я знала, что Влад потребует ее присутствия, и не хотела его злить.

Как я и ожидала, он восседал на троне.

Полгода назад, когда Аркадий сбежал в Вену, внешне Влад вполне мог сойти за его ровесника. Он и сейчас оставался на редкость обаятельным: бледное лицо с суровыми чертами, черные брови, большие, чуть раскосые глаза. Но теперь сходства с моим братом поубавилось. Полуголодное существование состарило Влада. В иссиня-черных волосах по-

явилась седина, лицо вновь прочертили морщины (неужели после долгой, голодной зимы то же самое случится и с моим обликом?).

Губы Влада были тоньше, чем у Аркадия, а их форма и изгиб свидетельствовали о жестокой и чувственной натуре обладателя. Глаза его также отличались от наших не только своим изумрудным цветом, но и тяжелыми веками и густыми ресницами.

В этот вечер глаза Влада горели столь ненавистным мне хищным огнем.

Пока я открывала тяжелую дверь, отделявшую его покои от остального замка, Дуня, словно испуганный ребенок, вцепилась в мою одежду. Тут раздался голос Влада:

– А-а, это ты, Жужанна? Ты вовремя пришла. Посмотришь, как развлекается наш гость. Кстати, спасибо тебе за заботу!

Влад сразу догадался, что я привезла ему из Вены подарок. Да и могла ли я не отблагодарить его за проявленную щедрость? Однако я надеялась, что еще разок сумею полакомиться беднягой Жаном, прежде чем он попадет к Владу.

Я быстро вошла, удерживая Дуню справа от себя и заслоня собой жуткую картину, открывавшуюся слева. Черный бархатный занавес был отдернут, обнажая зловещий "театр смерти" с его кандалами, цепями, дыбой и блестящими колями.

Мы подошли к основанию трона, на котором восседал

Влад, наслаждаясь зрелищем средневековой камеры пыток. К трону вели три ступеньки из темного полированного дерева с золотыми инкрустированными буквами, которые складывались в слова "Justus et pius", что означало "Справедливый и благочестивый". Над троном, на стене висел древний щит, сильно пострадавший от времени. С большим трудом можно было различить на нем изображение расправившего крылья дракона – символа Влада Колосажателя.

Я поднялась по ступенькам и подставила щеку для холодного поцелуя Влада.

– Здравствуй, моя дорогая! – произнес он, взяв меня за руку и любясь мною.

Он одновременно играл две роли: умудренного и заботливого главы большого семейства, обрадованного встречей со своей юной внучкой (или правнучкой), и пылкого возлюбленного.

– Как ты обворожительно прекрасна!

Я улыбнулась, зная, что эти слова он говорит совершенно искренне.

Вена дала мне немало превосходной, вкусной крови, и сейчас я без всякого зеркала ощущала свою красоту. Моя женская притягательность значительно возросла. Впервые за много месяцев я увидела в глазах Влада нескрываемое желание.

Надо сказать, что после моего превращения наша страсть угасла. Иногда, правда, мы предавались холодной любви,

ибо охота и насыщение распалили нас, а переход наших жертв через пропасть, разделявшую жизнь и смерть, возбуждал (но должна признаться, что, став вампиршей, я не научилась получать удовольствие от некрофилии, и совокупление с другим вампиром не доставляет мне никакой радости). Что касается Влада, то плотские утехы его почти не интересуют. Он желает властвовать, управлять, поработать и внушать страх. А во мне желание пробуждается только рядом с живыми людьми, когда я ощущаю их тепло, ловлю запах крови. Меня приводит в неопишуемый экстаз таинственная взаимосвязь между моим голодом, необузданной страстью и смертью очередной жертвы. Но когда я забираю у любовника его теплую кровь, силы и, наконец, саму жизнь, моя любовь остывает столь же быстро, как его мертвое тело.

Я улыбалась, видя, что Влад восхищается моим новым платьем из атласа и серебристого шелка, сшитым у модного венского портного. Но восхищение длилось недолго. Взгляд Влада снова обратился к несчастному Жану. Мой недавний любовник, раздетый догола, был подвешен за руки.

– Мсье Бельмонд, – по-французски обратился к нему Влад. – Полагаю, вы уже успели познакомиться с Жужанной – моей племянницей и... супругой. Не правда ли, она удивительно прекрасна?

Я неохотно перевела взгляд на жалкое, испуганное существо, в котором с трудом узнала прежнего Жана. Он висел, слегка касаясь каменной стены, запачканной кровью много-

численных жертв, и трясся всем телом. Этот-то щеголь, привыкший жить за счет женщин! Жан считал себя редкостным счастливчиком, предвкушая выгодную женитьбу на богатой графине. Сославшись на то, что перед свадьбой он должен непременно познакомиться с моей семьей, я легко уговорила его поехать сюда. (Знал бы он, какое знакомство его ожидает!) И пока мы добирались в замок из Вены, в гостиницах, поездах, каретах и даже в дилижансе, который вез нас из Бистрица, я беззастенчиво наслаждалась поджарым, мускулистым телом Жана и его кровью. Теперь настал черед Влада.

Кандалы впились в запястья Жана. Его голова клонилась набок, а выпирающие ребра напоминали изображения распятого Христа. Обаятельный молодой мужчина, белокожий блондин, который еще совсем недавно питал меня своей кровью и ни разу не оплошал, удовлетворяя мои желания... Сейчас его светлые глаза были полны ужаса. Нежную, ухоженную кожу покрывали кровоподтеки – Жана хлестали плетью. Зловещая игра уже началась. Я заметила, что его ноги тоже были закованы в кандалы и разведены.

– Любимая! – закричал Жан.

Он напрягся, будто силился выскочить из своих оков. Его телосложение восхитило бы любого скульптора. Во рту сверкали ровные белые зубы. Мне вдруг безумно захотелось поцеловать Жана в его алые губы.

Он снова дернулся. Кандалы глухо лязгнули, ударившись о каменную стену.

– Моя Жужанна! Ради нашей любви, ради Бога, помоги мне! Помоги!

Внизу, скрытый полумраком, спокойно делал свое дело палач Жана – рыжеволосый уродец Ваня, недавно появившийся в замке. Он был горбатым и хромым на обе ноги (судьба обошлась с ним еще безжалостнее, чем со мной). Однако Ваня не вызывал у меня ни малейшей симпатии, я не могла без отвращения смотреть на его красное лицо. От этого грубого животного в облике человека исходил тяжелый, гнусный запах немытого тела, смешанный с перегаром. Его маленькие пороссячи глазки кровожадно поблескивали. Ваня усердно смазывал затупленный конец деревянного кола.

Я поняла, какая участь ожидает моего незадачливого "женуха", и поспешила отвернуться. Я не верила, что Жан Бельмонд искренне меня любит. Он польстился на мою красоту и богатство, но затем, получив и то и другое, оказался бы неверным мужем. И хотя я тоже не питала к нему любви, мысль о его страданиях была для меня невыносима.

На губах Влада появилась едва заметная довольная улыбка, но глаза по-прежнему глядели холодно и жестоко.

– Не торопись, – сказала я ему по-румынски, чтобы Жан не понял.

Скрывая свое отвращение, я кокетливо потрепала Влада по руке.

– Позволь мне насладиться первой. Дядя, прошу тебя...

Я теперь принадлежу к неумершим и потому нахожусь вне

суда живых. Я уже проклята и не боюсь суда никакого Бога. Но я не утратила чувства сострадания к своим жертвам. Если я должна их убивать, пусть их смерть будет сладостной; если я должна грешить, пусть грех приносит удовольствие, а не боль. По крайней мере, кровь тогда бывает куда вкуснее.

– Может, и позволю, – улыбаясь, ответил Влад. – Но, по моему, ты уже достаточно насладились им. Вначале я хочу узнать о главном. Что с Аркадием? Все ли удалось, как было задумано? Ты разыскала его? Сходила к нему?

– Да.

Влад резко подался вперед и, понизив голос, спросил:

– И ты выполнила мои повеления? Договорилась с тем человеком?

– Да, – опять ответила я.

Мне казалось, что стыд остался в моей прежней жизни, но нет. Я вспомнила, как все было на самом деле, и меня обожгло стыдом. Человека, к которому меня направил Влад, я легко соблазнила и насытилась его кровью, лишив при этом жизни.

Улыбка Влада стала еще шире, отчего обнажились его острые клыки.

– Прекрасно, Жужа... А теперь скажи...

Он больно сжал мне запястье и притянул к себе.

– Ты своими глазами видела, что Аркадий повержен? С ним поступили так, как я велел? Да?

Я опустила голову, чтобы его всепроникающие зеленые

глаза ничего не могли прочесть в моем взгляде. Обманывать его не имело смысла, поскольку это грозило мне еще более суровым наказанием, ибо Влад все равно распознает, где правда, а где ложь. После секундной заминки я сказала:

– Я уверена, что с Аркадием покончено. Я все тщательно объяснила тому человеку и хорошо ему заплатила. Но я выпила слишком много пьяной крови и уснула еще до наступления утра.

Влад вскочил на ноги и в гнев столкнул меня вниз.

– Лгунья! – рявкнул он.

От ярости его глаза сделались красными, будто зеленый лес вдруг охватил пожар.

– Ты же поклялась мне, что проследишь за всем и все увидишь собственными глазами! Ты не выполнила самого главного! Неужели ты настолько глупа, что не понимаешь очевидных вещей? У нас очень мало времени, и мы не должны были упустить представившуюся возможность. Поощадав брата, ты навредила нам обоим! И после этого ты еще осмеливаешься говорить, что любишь меня?

Наверное, столкни он смертного человека, тот, упав, сломал бы себе шею. Но мне этот жестокий толчок не причинил ни малейшего вреда Мягко, как кошка, опустившись на пол позади съжившейся Дуни, я расправила плечи и гордо вскинула голову, сознавая свою неотразимую красоту.

– Я не лгунья! – крикнула я в ответ, пытаюсь разжечь в себе гнев, чтобы хоть таким образом приглушить отчаянный

страх.

Наверное, Влад мог бы расправиться со мной (иногда он угрожает это сделать), однако я подозреваю, что его, как и меня, терзает неуверенность относительно возможных последствий.

– Аркадий не перестал быть моим братом, и моя кровь еще не настолько остыла, как твоя. Как ты можешь требовать, чтобы я была свидетельницей расправы над тем, кого люблю?

Лицо Влада окаменело, глаза превратились в узкие щелки. Он сверлил меня взглядом. Я понимала: сейчас он обдумывает, насколько может быть правдиво мое оправдание. Я хотела, чтобы Влад поверил в *мое* слабование; пусть решит, будто я струсилась и потому не видела сцены казни.

Мы молча жгли друг друга яростными взглядами, потом Влад медленно произнес:

– Как я могу теперь верить твоим словам? Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Нарушив договор, Влад утратил способность проникать в мои мысли и в мысли Аркадия. Он это понимал не хуже меня. Но у него оставалась еще одна возможность: Дуня.

Он посмотрел на мою несчастную горничную и поманил ее пальцем. Дуня застонала и снова вцепилась мне в платье. Но властный взгляд изумрудных глаз заставил девушку повиноваться. Я ободряюще погладила ее по руке. Дунино лицо было мокрым от слез.

Бедняжка покорно поднялась по ступеням к трону. Все ее движения тоже были замедленными, как у лунатика, бредущего куда-то во сне. Влад сел. Откинув волосы, Дуня подставила ему свою шею. По-видимому, она опустила ее слишком низко, и Влад, одним пальцем взяв ее за подбородок, запрокинул ей голову, чтобы не пришлось наклоняться самому.

Потом он припал к ее шее. Хотя его длинные волосы закрыли от меня это зрелище, Дунин протяжный стон свидетельствовал о том, что Влад прокусил ей кожу на шее (уже в который раз!). Я чувствовала, как он погружался в блаженное, ни с чем не сравнимое состояние. В этом таилась опасность: с каждым глотком жажда становится только сильнее, и все труднее оторваться от своей жертвы.

– Пожалей ее, – вмешалась я. – Дуня очень устала. Пока мы ездили в Вену, я и так часто пила ее кровь.

Влад послушался; его сейчас больше интересовали Дунины мысли, нежели утоление голода. Бедный Жан наверняка видел, что губы и зубы Влада стали красными от крови, и понял, какая участь ожидает его. Он тяжело сопел, боясь сто-
нать.

Наш последний разговор с Аркадием Дуня проспала, и это меня спасло. По глазам Влада я поняла: он принял мое объяснение.

– Что ж, теперь я хотя бы знаю, что ты действительно виделась с Аркадием и привела его в нужное состояние. И еще: я могу понять, когда ты распутничаешь с другими мужчина-

ми, но с чего вдруг тебя потянуло на кровосмесительное соитие с родным братом? И зачем ты подложила под него эту девчонку? Если вы обе понесли от него и у каждой из вас родится мальчик...

Влад не договорил, но я мысленно закончила его фразу: "...в таком случае, возможно, не понадобится разыскивать Аркадия или его сына".

– Бери моего ребенка, – торопливо предложила я. – И Дуниного тоже. Они оба будут служить тебе: один вместо Аркадия, а другой – вместо его сына.

Влад задумчиво склонил голову и прикрыл глаза, потом смерил меня тяжелым взглядом и усмехнулся.

– Едва ли это возможно. До чего же ты наивна, Жужанна. Соитие далеко не всегда кончается беременностью. А если ни ты, ни она не понесли от Аркадия? Что тогда?

На этот вопрос у меня не было ответа.

– Я разгадал твой замысел. Ты решила, что нашла способ, как спасти и брата, и меня.

Он умолк. В его глазах снова вспыхнул гнев. Даже у меня – сильной и бессмертной – по спине поползли мурашки. За себя я не боялась, поскольку знала, что Влад не поднимет на меня руку. Но моего несчастного мсье Бельмонда он проведет по всем кругам издевательств и боли.

Вкрадчивым голосом, который был во сто крат хуже крика, Влад спросил меня:

– Жужанна, тебе нравится твоя теперешняя жизнь?

– Да, – прошептала я.

– И ты продолжаешь любить своего брата?

– Да...

– Выбирай, моя дорогая, поскольку одно мешает другому. Либо мы с тобой проживем столько, сколько отпущено простым смертным, а потом договор рухнет и мы оба погибнем. Если сын Аркадия умрет, не будучи связан с нами, нам конец. Если мы не сумеем уничтожить Аркадия – нам тоже конец. Один шанс расправиться с ним ты уже упустила. Как много еще таких шансов представится нам в ближайшие пятьдесят – шестьдесят лет? Думаешь, это долгий срок? Нет, дорогая. Для нас это миг, за который обычный смертный успевает лишь кивнуть головой или моргнуть глазом! Боюсь, ты еще не научилась мыслить, как бессмертная.

Не дав мне вставить ни слова, он продолжал:

– Отвечай: ты хочешь умереть в этом замке, превратившись в старую развалину? Голодной, уродливой, никому не нужной? Ты согласна превратиться в еще более жалкое существо, чем была в прежней жизни?

– Нет, – испуганно прошептала я.

– Но ты сама обрекаешь себя на подобную участь, Жужанна, из-за своей слабости и дурацкой любви к брату.

Он провел пальцем по стенкам чаши, стоявшей в углублении на подлокотнике трона. Они потемнели от крови Каши, от крови нашего отца, деда и всех тех, чьими душами Влад покупал свое бессмертие. Подняв чашу, он провозгласил:

– Я уничтожу Аркадия. С твоей помощью или без нее, но я его уничтожу. А потом я вкушу крови его сына, и он вкусит моей и станет моим рабом!

Внешне Влад казался воплощением уверенности, но своим обострившимся восприятием я почувствовала другое. глубинный страх! Он боялся, и это почему-то безумно испугало меня. Наверное, мне сейчас было бы спокойнее находиться рядом с раненым львом, рычащим от боли и гнева.

Влад едва ли догадывался об этом. Прищурившись, онглянул поверх чаши на меня.

– Дочего же твой брат глуп, если думает, что сумеет меня одолеть! А ты, моя дорогая Жужа, знай – я люблю тебя. Но если ты обманешь меня, любовь обратится в ненависть. "Justus et pius" – не пустые слова для меня.

Влад вернул чашу на место и обратился к Ване:

– Начинай.

Что-то промычав, Ваня своими длинными жилистыми руками приподнял длинный, в человеческий рост, кол. Семеня боком, будто маленький проворный краб, он подтащил его поближе к дыбе, где начинался специально укрепленный желоб.

Казалось, одному человеку не справиться с подобной задачей, особенно такому увечному, как Ваня. Но, к моему удивлению, он, похрюкивая от натуги, все сделал, как надо. Ванины глазки масляно поблескивали. Он предвкушал возможность всласть поиздеваться над красивым и сильным че-

ловеком, который при иных обстоятельствах раздавил бы его словно муху. Кол с громким стуком лег в желоб, который оканчивался на уровне ягодиц Жана.

Жан все понял и стал кричать.

– Дядя, не надо! – взмолилась я. – Прошу тебя...

Влад повернулся ко мне. Его взгляд был полон укоризны, и я поняла, что все мои просьбы будут тщетны. Он решил проучить меня за отступничество, сделав свидетельницей чужих мучений. Голос Влада звучал сурово, неумолимо и в то же время с оттенком сожаления, как у отца, который вынужден наказывать любимого ребенка.

– Ты подвела меня, Жужанна. Ты, кого я любил больше всех. Разве я когда-нибудь тебя подводил? Или в чем-то тебе отказал?

Он выпрямился и встал во всем своем великолепии. Грозный, внушительный – таким, должно быть, видели его подданные четыреста лет назад. Уже долгие годы Влад именовал себя графом, но сейчас моему изумленному взору предстал настоящий валашский господарь, воевода, не единожды спасавший свой народ от нашествия турок. Кто-то называл этого человека Цепеш, что в переводе с румынского означает "Колосажатель", а кто-то – Дракула, то есть "сын дракона". Девиз "Justus et pius", сверкающий золотом на ступенях, которые вели к трону, уже не казался пустой бравадой. Влад и в самом деле был справедливым и благочестивым. Он показался мне ангелом – падшим, но не утратившим удивитель-

ного внутреннего света. Влад научил меня тому, что на современном языке называется гипнозом. Однако на какое-то мгновение даже я оказалась зачарованной его красотой, величием и начисто позабыла про бедного мсье Жана Бельмонда.

– Я жесток, но справедлив. Разве не так? – тихо спросил у меня Влад.

Тем временем Ваня поднимал кол все выше и выше, пока тупой конец не уперся Жану в задний проход.

Бессвязные выкрики несчастного француза стали еще более истеричными.

Влад сошел вниз (портреты королей, виденные мною в венских галереях, просто меркли в сравнении с ним) и обратился к своей жертве:

– Сумасшедший, я? Вы сознаете, кому наносите оскорбление?

Бельмонд не выдержал, и заплакал навзрыд. По его красивому (все еще красивому) лицу хлынули слезы.

– Нет... нет... Прошу прощения, мсье. Скажите, что вы желаете, и я с радостью это исполню. Все, что угодно. Абсолютно все! Только не мучайте меня...

– Я – хозяин и господин этих земель, – молвил Влад.

Его лицо сияло, словно он был посланцем Бога, а не дьявола. Глядя на Влада, я вспомнила, как когда-то этот неземной свет зажег во мне пламя страсти.

– Я заплатил за эти земли своей плотью, кровью, слезами.

Вы слышали, что я говорил Жужанне?

Пыхтя от усердия и не сводя с жертвы красных поросых глазок, Ваня поднял кол чуть выше. Совсем ненамного, не более чем на полдюйма. Бельмонд дернулся, вскрикнул и слезливо запричитал:

– Простите меня, граф. Простите меня... Я – глупый человек. Я не знал...

– Я спрашиваю: вы слышали, что я ей сказал?

Жан, выпучив глаза, лихорадочно подыскивал слова.

– Я... я не уверен... Я... вы... жестоки, но справедливы.

Влад улыбнулся.

– Прекрасно, мсье Бельмонд. Я сказал правду. А теперь я вас спрашиваю: наказать за нанесенное оскорбление – это справедливо?

У Жана дрогнули губы. Он понимал, что от ответа, возможно, будет зависеть его спасение, и очень боялся попасть впросак. Лоб Бельмонда покрылся испариной. Я вдыхала этот острый запах его пота и чувствовала, как нарастающий голод сражается с моим намерением попытаться спасти Жана.

– Осмелюсь сказать... наверное, лучше простить оскорбившего вас. Это более по-христиански. – Его голос понизился до шепота: – Прошу вас, мсье, во имя любви Господа, простите меня.

Я могла бы вновь вступить за нашего несчастного гостя и попросить Влада о снисхождении, но не стала этого делать.

Влад ненавидит слабость, и мои просьбы лишь усугубили бы страдания Жана. Я промолчала. Очнувшаяся Дуня кое-как доковыляла до меня. Ноги отказывались ее держать. Дуня опустилась на колени и зарылась лицом в мое платье. Я гладила ее по волосам, сознавая бесполезность своих попыток успокоить эту бедную девочку.

Влад прервал сбивчивые словоизлияния пленника.

– Вы на что намекаете? – загремел он. – Что я не христианин? Кто же я? Уж не турок ли, с которыми я сражался несколько веков назад? Второе оскорбление! Советую вам, мсье: просите о пощаде. Умоляйте, чтобы вам сохранили жизнь!

Бедный Жан, всхлипывая и шмыгая носом, стал неистово просить о пощаде. Я достаточно хорошо знаю французский язык. Мы с Жаном говорили преимущественно по-французски, и я его прекрасно понимала. Но сейчас я не могла разобрать ни единого слова Влад, не торопясь, поднялся на помост, где находилась дыба, и склонил голову, вслушиваясь в это бессвязное бормотание.

Неожиданно лицо Влада смягчилось, и он почти дружеским голосом сказал Жану:

– Довольно. Скоро вас освободят от цепей.

Жан вздрогнул и снова заплакал, повторяя:

– Да благословит вас Господь, мсье. Да явит Он вам свою вечную милость.

Влад с отеческой нежностью провел рукой по блестевше-

му от пота лбу Бельмонда, откинув назад прилипшие пряди. Потом он повернулся и глянул вниз, где уже наготове стоял Ваня, подпирая плечом блестящий от масла кол.

Кивком головы Колосажатель подал ему знак.

Ваня что есть силы взметнул кол вверх... Даже если моя жизнь продлится вечно, я молю Бога, чтобы никогда более не слышать подобных криков (впрочем, это тщетные мольбы – я слышала их прежде и наверняка услышу снова). Жан пронзительно вопил. Мне казалось, что его вопль мгновенно достиг врат рая. Я лишь мельком увидела, как изогнулось его тело, когда кол пропорол ему внутренности. Смотреть дальше я была не в силах и закрыла глаза. Надсадно закричала Дуня, вторя несчастному Жану, и я поспешила заткнуть ей уши. Мы крепко прижались друг к другу, будто сестры по несчастью.

Потом стало тихо. Я решила открыть глаза и увидела, что Жан потерял сознание. Ваня, трясаясь от возбуждения, лихорадочно пытался поднять кол. Влад пришел ему на помощь. Сначала он освободил руки Жана от кандалов, а затем они вдвоем подняли кол с насаженной жертвой и укрепили его посреди "театра смерти", на помосте, построенном специально для этих целей. Глаза Влада горели, как два полуденных солнца. Он отступил на шаг, дабы полюбоваться на гнусное дело своих рук.

Голова проткнутого колом Бельмонда свешивалась набок, руки раскачивались, словно у марионетки. Под тяжестью

собственного веса тело медленно и неотвратно сползло вниз по колу, само разрывая и ломая все, что оказывалось на пути у затупленного конца.

Если Ваня сумел воткнуть кол под нужным углом, к свету тот выйдет из открытого рта мертвого Бельмонда.

– Приведи его в чувство! – приказал Влад.

Ваня засуетился и подхватил шест, к которому была прикреплена грязная тряпка. Палач обильно полил ее сливовицей и поднес к губам Жана. Знал ли он, что уродливо копирует действия римского воина, протянувшего умирающему Христу губку с желчью?

Жан застонал и пришел в себя. Говорить он уже не мог, а только стонал, корчась от нестерпимой боли. Я знала, чем это кончится, и с ужасом ждала развязки. Однако голод, пока еще легкий, все настойчивее заявлял о себе. Мое тело требовало крови. В Вене я привыкла пировать каждую ночь, а здесь, в Трансильвании, мне, похоже, скоро придется познакомиться с настоящим голодом. Дуня сейчас была очень слаба, и мое желание подкрепиться могло ее убить. А Жан после всего, что с ним сделали...

Но я не имела права сердиться, ведь я привезла Жана в подарок Владу, а у него были свои пристрастия. Морщась от голода и отвращения, я досматривала заключительный акт жуткого спектакля. Влад повернул лицо умирающего к себе.

– Давай, открывай глаза, – зловеще прошипел он. – Очнись, взгляни и хорошенько запомни того, кто вершит над

тобою суд.

С этими словами Влад вонзил свои зубы в шею Жана. Стыдно признаться, но меня это сильно возбудило. Жан вскрикнул, теперь уже совсем тихо. Времени оставалось в обрез. Нужно успеть напиться, пока он жив и кровь не начала остывать.

Голод затуманил мне разум и заглушил все остальные чувства. Оттолкнув Дуню, я бросилась к помосту и одним прыжком взлетела вверх. Я встала у Влада за спиной и завистливо смотрела, как он насыщается. Я забыла о том, что раньше брезговала кровью испуганных людей. Главное – чтобы крови хватило на нас обоих. Пока Влад пил, жалобные стоны Бельмонда стихли. Он опять потерял сознание, но на этот раз даже Ванины ухищрения не смогли привести его в чувство.

Наконец Влад уступил мне место. Он торжествовал, видя, как я припала к прокушенной им вене.

Я пила, проклиная свою слабость и безволие. Да, я пила, но эта кровь была горькой, очень горькой...

Амстердам Ноябрь 1871 года Двадцать шесть лет спустя

Глава 3

Телеграмма, отправленная из амстердамского отеля «Ги Деламер» 12 ноября 1871 года, для последующего вручения В. Дракуле, Бистриц, гостиница «Золотая корона»:

"Интересующий вас субъект обнаружен тчк Маршрут следования и время прибытия сообщу дополнительно тчк".

* * *

ДНЕВНИК МЕРИ ЦЕПЕШ-ВАН ХЕЛЬСИНГ

19 ноября 1871 года

Мой муж умер.

Второй раз в жизни я пишу эти слова, второй раз переживаю смерть близкого мне человека... Сегодня мы похоронили Яна, который более двадцати лет назад спас моего сына от чудовищной опасности.

Любила ли я его? Да. Однако в нашей с Яном любви не

было страсти, она больше походила на дружбу, возникшую в результате благодарности и уважения, которые я испытывала к этому человеку. Но все равно боль утраты сжимает мое сердце. Я пишу эти строки, а глаза мои полны слез, ведь я потеряла самого верного и надежного своего друга.

Но за всю жизнь только один мужчина сумел покорить мое сердце – мой дорогой и любимый Аркадий, погибший двадцать шесть лет назад. Самое ужасное, что именно мне пришлось стать его палачом и выпустить пулю, пробившую ему сердце.

Впоследствии я часто жалела, что мы не погибли вместе... Все эти годы я хранила револьвер Аркадия. Каждый вечер я доставала его из тайника, гладила холодную сталь и прижималась к ней губами, шепча ласковые слова призраку любимого мужа, которого не могла забыть.

Но призрак, конечно, был лишь порождением моего воображения. Я надеялась на лучшее, только все оказалось несравненно хуже...

Сегодня, поздно вечером, Аркадий приходил ко мне. И не как призрак, не как болезненная галлюцинация. Он явился во плоти, только его плоть была совсем холодной.

Я сидела в нашей (теперь моей) спальне на втором этаже, возле постели, которую мы с Яном делили все эти годы. Спать я не могла и просто тихо горевала, оставшись наедине с собой. К тому же я очень устала за день, показавшийся мне необычайно длинным. Сначала церемония погребения,

затем выслушивание соболезнований и искренних, но совершенно бесполезных слов утешения. Мои домашние уже спали внизу, а я сидела, смотрела на огонь в камине и вспоминала нашу первую встречу с Яном...

Мы с Аркадием оказались пленниками в жутком замке Влада. Положение усугублялось еще и тем, что я была беременна нашим сыном, и от всех пережитых ужасов у меня начались преждевременные роды. Я до сих пор убеждена, что это Бог послал нам тогда Яна (правда, при нашем первом знакомстве он назвался вымышленным именем). Будучи врачом, он принял у меня роды (без его помощи я бы, наверное, умерла от кровотечения). Ян сумел увезти нашего крошку, и только благодаря ему Владу не удалось добраться до маленького Стефана. Сама я спаслась только чудом... Потом мы встретились, и Ян, как мог, старался меня утешить. Мы находились с ним в одинаковом положении: я потеряла Аркадия, он недавно похоронил жену. Горе сблизило нас.

И теперь вдруг случилось невозможное: ко мне явился погибший первый муж, чтобы утешить меня после кончины второго.

В спальне было почти совсем темно, если не считать красноватых отблесков прогоревшего угля. Я перевела взгляд на окно. Затянутое облаками небо предвещало безлунную ночь. Все это я отмечала лишь краешком сознания – перед мысленным взором продолжали мелькать картины прошлого.

Легкий стук в окно. Я услышала его или мне почудилось?

Я прислушалась. Кто-то продолжал стучать в стекло. Наверное, птица. Иногда они присаживались на жестяной козырек окна, чтобы передохнуть. Так оно и есть – в окне виднелся черный силуэт. Похоже, ко мне в гости пожаловал ворон!

На какое-то время любопытство во мне взяло верх над горем. Я принялась вглядываться. Мелькнула белая вспышка, будто зажгли газовую лампу. Силуэт осветился изнутри. За стеклом показалось человеческое лицо – лицо моего дорогого Аркадия.

Я встала, держась за сердце. Этого не может быть! Горе и бессонная прошлая ночь довели меня догаллюцинаций. И все же я направилась к окну, отчасти для собственного успокоения. Еще шаг, и видение окажется обыкновенным обманом зрения, игрой теней и света тусклых уличных фонарей.

Нет. Чем ближе я подходила, тем отчетливее становились черты его лица. Удивительно красивого лица! Мы покидали Трансильванию в спешке, и я не догадалась взять с собой портрет Аркадия, чтобы дорогой мне образ с годами не изгладился из памяти. Но переживания были напрасными, и даже сейчас, четверть века спустя, я словно воочию видела его милые черты: крупный, с горбинкой нос, густые брови, большие, слегка косящие вверх глаза с длинными, почти женскими ресницами, высокий лоб с залысинами... Лицо за стеклом было совершеннее и красивее. Его обрамляли длинные, доплеч, волосы с незнакомым мне синеватым отливом. От бледной кожи исходило довольно яркое свечение.

А его глаза... они были все теми же любящими глазами мужа, которого я потеряла более четверти века назад. Увидев меня, они наполнились такой болью и тоской, что у меня сжалось сердце.

Я инстинктивно распахнула оконную раму, впустив в спальню холодную сырую ночь... Впустив свое прошлое.

Аркадий вошел, и сейчас же порыв ветра захлопнул за ним окно. Я не верила своим глазам: передо мной, одетый в черное, стоял мой дорогой, любимый муж, молодой и красивый, словно время было над ним не властно. Не побоюсь написать: он был не просто красив, а восхитительно, умопомрачительно прекрасен.

По сравнению с ним я выглядела старухой. Мои волосы поседели. На лице появились морщины, а в теле уже не было прежней упругости.

– Аркадий, – прошептала я, все еще опасаясь, не повлияли ли недавние события на мой рассудок – Возможно ли это?

Он тяжело вздохнул (может, это тоже мне померещилось, и я приняла за вздох унылую песню ветра?).

– Мери, – едва слышно шепнул он.

Я снова заплакала – теперь это были слезы радости – и потянулась к его щеке. Аркадий слабо и, как мне показалось, виновато улыбнулся. И тут мои пальцы коснулись не теплой кожи живого человека, а холодной плоти мертвеца.

Я не закричала, я взвыла от ужаса, мгновенно догадавшись, что произошло двадцать шесть лет назад. Аркадий то-

гда погиб от моей руки. Я надеялась, что смерть спасла его душу, и все последующие годы жила с этой надеждой. Я жестоко ошибалась. Значит, Влад все-таки сумел завладеть душой Аркадия и сделал его подобным себе: обаятельным, но бездушным монстром.

Я прижала трясущиеся пальцы к губам. Должно быть, на моем лице отражался такой ужас, что лицо Аркадия исказилось, как от сильной боли.

– Мери, – чуть громче повторил он.

Такой голос мог бы кого угодно заморозить своей нечеловеческой мелодичностью. Но сколько горечи и раскаяния уловила я в одном только произнесенном им слове. И все же этот голос оставался хорошо знакомым мне голосом прежнего Аркадия.

Он заговорил со мной по-английски – на моем родном языке, который я оставила в прошлом вместе с моей прежней жизнью.

– Дорогая, наверное, мне не стоило сюда приходить... Особенно сегодня. Это очень жестоко с моей стороны.

В моей душе не было страха. Наверное, горе, а затем и неожиданное появление Аркадия полностью вытеснили мысли об опасности. В кого бы он ни превратился, какие бы чудовищные злодеяния ни совершил, я продолжала его любить. Я пристально всматривалась в такое знакомое и одновременно незнакомое лицо Аркадия. Вдумай он сейчас меня убить, я бы не стала сопротивляться.

Мой первый муж не погиб, а стал... вампиром. Осознав весь ужас случившегося, я попятилась назад и рухнула на стул. Аркадий бесшумно приблизился ко мне и опустился на одно колено.

– Прости меня, – проговорил он, с бесконечной печалью глядя мне в глаза.

Мерцающие в камине угли окрашивали одну половину его лица в теплые красновато-оранжевые тона.

– Какое же неудачное время я выбрал – прийти сегодня, когда ты еще не оправилась от постигшего вашу семью горя... Но мне не хотелось тебя тревожить, пока твой муж...

Здесь голос Аркадия дрогнул. Он опустил глаза, чтобы скрыть свою ревность.

– ...пока Ян был жив. Но сегодня произошло событие, которое я не вправе игнорировать, и поэтому мне потребовалось срочно поговорить с тобой.

– Значит, Влад все еще жив, – сделала я жуткий вывод.

Все годы я надеялась, что смерть Аркадия повлекла за собой и гибель Влада и что мой сын навсегда освободился от проклятия рода Цепешей. Однако полной уверенности у меня не было, и я лишь молила Бога, чтобы ужасы прошлого не вторглись вновь в нашу жизнь.

Ночь за окошком спальни вдруг показалась мне беспрочно черной и зловещей. Подтвердились самые худшие мои опасения, которые я держала в глубине сознания, не позволяя им прорываться на поверхность.

– Да, Влад все еще жив, – подтвердил Аркадий. – В момент моей смерти он запер мою душу между небом и землей. Он сделал меня подобным себе, зная, что мне придется питаться человеческой кровью.

Я инстинктивно отвернулась. Человек, которого я любила, превратился в убийцу.

Лицо Аркадия посуровело, в голосе появился металл:

– У меня нет иного выбора, Мери. Моя гибель лишь развязала бы Владу руки. Продолжая существовать, я защищаю тебя и нашего сына.

– А сколько других жизней ты погубил за эти двадцать шесть лет?

Я ударила по больному месту. Аркадий помрачнел. Его голос стал глуше:

– Каждая погубленная мною жизнь спасет сотни, тысячи других жизней. Каждой своей жертве я клялся: когда я сумею покончить с Владом, она будет отмщена. День, когда он сгинет, станет днем и моей смерти. Ты хочешь, чтобы наш сын, его дети и дети его детей жили, неся на себе вечное проклятие? Так пусть роковая цепь оборвется на мне и со мной.

– Боже, – прошептала я. – Лучше бы мне умереть, чем видеть, в кого ты превратился. Это ведь я сделала тебя таким.

Я заплакала. Ему было невыносимо видеть мои слезы. Я не из тех женщин, кто плачет из-за любого пустяка и при малейшей опасности падает в обморок. Я сознательно убила Аркадия, чтобы он не стал игрушкой в руках Влада. Мне уда-

лось превозмочь величайшее горе, какое может выпасть на долю человека, и жить дальше. Я убила мужа последней пулей, остававшейся в барабане револьвера. Будь там еще хотя бы одна, я бы сейчас не писала эти строки.

Я вцепилась в спинку стула. Аркадий осторожно положил свою руку поверх моей. Я почувствовала, как она холодна, но не сделала попыток высвободиться.

– Мери, дорогая, ты всегда была сильнее меня, – сказал Аркадий. – Я очень боялся, что ты умрешь. Как тебе удалось выжить?

Я рассказала ему, как сложилась моя жизнь после того выстрела.

Мы пустились в путь, едва я чуть-чуть оправилась от тяжелых родов и была очень слаба. Когда прозвучал роковой выстрел, лошади рванули с места и понесли. Их сумасшедший галоп был мне только на руку, и, кое-как удерживая поводья, я направила лошадей на север, в сторону Молдовы. Именно туда человек, назвавшийся Эрвином Кодем, должен был привезти моего сына. После случившегося я жаждала расстаться с жизнью, но мысль о малыше не позволила мне умереть. Мне удалось добраться до какого-то постоянного двора, где я свалилась в горячке. Добрый хозяин ухаживал за мной. Я бредила и без конца просила отыскать врача с маленьким ребенком. Оказалось, что врач с младенцем заезжали на этот постоянный двор, только фамилия мужчины была не Коль, а Ван-Хельсинг. Он искал молоко для ребен-

ка, после чего отправился в городок Путна.

Я сразу поняла: это он. Едва придя в себя, я послала в Путну телеграмму на имя доктора Ван-Хельсинга, сообщив, что я осталась жива, но потеряла мужа, который был убит выстрелом в сердце.

Через несколько дней Ван-Хельсинг приехал за мной, и я вновь увидела своего малыша. Боль утраты, а потом и горячка полностью вытеснили из головы мысли о дальнейшей жизни. Единственное, мне не хотелось возвращаться в Англию. Ян Ван-Хельсинг убедил меня отправиться вместе с ним в его родной Амстердам. Так я оказалась в Голландии.

Полтора года я отвергала предложения Яна выйти за него замуж, но затем все-таки согласилась, решив, что у ребенка должен быть отец. Так я стала госпожой Ван-Хельсинг. Вскоре мы усыновили еще одного мальчика, почти ровесника моего сына.

Теперь я – мать двух взрослых сыновей. Они любят друг друга как родные братья и ничего не знают о моем страшном прошлом. Да и к чему омрачать их счастливую жизнь этими леденящими душу рассказами?

Аркадий внимательно слушал, ни разу меня не перебив. Потом сказал:

– Более двадцати лет я делал все возможное, чтобы Влад не нашел ни тебя, ни нашего сына. Я сводил на нет все его попытки отыскать вас и в свою очередь постоянно подсылал к нему людей, которые должны были его уничтожить. Увы,

никто из них не сумел одолеть это чудовище. Одни, струсив, исчезали, другие сходили с ума, третьи кончали жизнь самоубийством или сами становились жертвами Влада. Мне не встретился ни один человек, достаточно честный и стойкий, чтобы выполнить эту миссию до конца. Невзирая на все мои усилия, Влад упорно продолжал искать тебя и нашего сына. Он тоже посылал подручных, и каждый новый его посланец оказывался умнее, хитрее и решительнее предыдущего.

Эти слова добили меня. Я вжалась в стул и, схватившись за сердце, спросила:

– Так неужели он здесь? В Амстердаме?

Аркадий покачал головой.

– Нет. Ему не выбраться за пределы ближайших окрестностей замка. Такова плата за нарушение договора и превращение своих родных в вампиров. Сюда ему не добраться, и вообще, насколько я знаю, он может путешествовать только в особом ящике, наполненном родной землей. Я же свободен в своих перемещениях, поскольку изначально мои кровь и душа были чисты. Однако мне стало известно, что Влад послал в Амстердам своего подручного. Вот тебе доказательство.

Он сунул руку в карман жилета и извлек что-то блестящее, похожее на монету.

Да, то была небольшая монета. Аркадий протянул мне ее. Я встала и подошла поближе к камину, чтобы в свете догорающих углей разглядеть изображение... Боже мой! Я успела забыть этот страшный символ. Неужели он вновь вошел

В МОЮ ЖИЗНЬ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.